

С НУЛЕВОГО РАНГА

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ | АРОН РОДОВИЧ

Том 4

Арон Родович

**Регрессор. Заново с
нулевого ранга! Том 4**

«Автор»

«Автор»

2026

Родович А.

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 4 / А. Родович —
«Автор», «Автор», 2026

Меня предали и бросили умирать в S-разломе. И очень зря! Ведь я вернулся на двенадцать лет назад! Теперь мне снова двадцать два. Ранг Е, денег кот наплакал, магии почти ноль. Зато за плечами двенадцать лет рейдов, боевой опыт ветерана и знание секретов, за которые сильнейшие гильдии готовы убивать. Пока новички боятся первого разлома, я валю босса заточенной трубой. Пока гильдейские шишки делят добычу, я забираю своё. А самоуверенных инструкторов, решивших поставить меня на место, ждёт большой сюрприз! Правда, прошлое уже начало меняться, а мои знания будущего перестают быть надёжными. Ну и отлично! Кто сказал, что я собирался играть по старым правилам?

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 66	5
Глава 67	11
Глава 68	17
Глава 69	23
Глава 70	29
Глава 71	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Реалов, Арон Родович

Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 4

Глава 66

Я поискал Акима взглядом. Он стоял чуть поодаль; руки убрал в карманы, прежде чем я успел рассмотреть дрожь. Пусть пока держит там. На входе всё равно понадобятся его ладони, и лучше достать их по знакомому знаку, чем при всех велеть ему перестать бояться.

Василиса держала лук за рукоять, сняв стрелу с тетивы, будто ждала, что монстр выпрыгнет прямо из её же тени. Остальные смотрели на меня. Долговая яма и «Аврора» остались за их спиной, птенец ждал впереди. Я не собирался поминать, кого выкупил: они соглашались на работу, а не на благодарность до конца жизни. Напоминать им чужие долги было бы стыдно именно здесь, где каждый уже выдержал свои четыре минуты.

Я напомнил про утро: никто не остался в подвале, щит выдержал первый запуск. Сейчас этим рукам предстояло держать защиту дольше. В первой линии я видел, как у каждого кончалась мана. Сегодня нужно было поймать этот момент по ладони на плече, не по человеку, который уже упал. После утреннего запуска Аким медленнее остальных выпрямился у лестницы; его очередь не должна растянуться только потому, что ему неловко попросить смену.

Развернувшись к лестнице второго подвала, ступил на первую мокрую ступень. Спускаться хотелось быстрее — закончить этот разговор, — но за спиной стояли люди, которым потом держать мои плечи. Догонять меня они не должны. Впереди опять ждали мокрый бетон и босые ноги, но обувь мы снимем на площадке. Пока слушал, не застыл ли Тагир со щитом наверху.

Оглянуться значило бы опять пересчитать их, как утром. Вместо этого прислушался. Сапог. Скрежет щитового края. Пауза, пока следующий человек освободит ступень. Тагир поставил щит впереди колонны сам; спорить он мог сколько угодно, а теперь нёс его вниз, придерживая, чтобы не задеть соседей. За первым шагом послышался второй. Маршрут они знали. Выдержат ли повтор — этого никто из нас пока не знал. Дошёл до поворота и притормозил: верхние сапоги снова зашаркали. Ни криков, ни удара железом. Хорошо. Пусть так и идут, с остановками, зато вместе.

Первый пролёт встретил меня запахом плесени и стоячей воды. Свет моего налобника выхватывал мокрые стены, облепленные чёрными разводами. Внизу, в луже по щиколотку, отражалось слабое биолюминесцентное свечение грибов. Красноватый отблеск шёл по воде вместе с лучом налобника. Утром мы уже выходили отсюда с порезами; смотреть под ноги теперь хотелось внимательнее, чем на светящиеся грибы. Схему прохода знал, а каждый скол приходилось находить заново.

Я остановился на площадке между первым и вторым ярусом. Посмотрел вверх. Десять шагов. Они шли. Медленно, шаркая сапогами по бетону, спускались восемь человек. Тагир первым, злой, как оса, зажата в кулак. Аким последним, едва переставляя ноги.

Когда они собрались вокруг меня, я присел на корточки у края лужи и начал снимать сапоги. — Что ты делаешь? — Василиса придерживала лук коленом, наклонилась к моим мокрым шнуркам. Её голос дрогнул.

— Разуваюсь, — я ослабил левый шнурок, правый дал придерживать Кате. — Сапог бьёт о бетон. Бетон звенит. Звук идёт вниз. А то, что внизу, слышит вибрацию лучше, чем мы с вами слышим шёпот.

Я поставил тяжёлые ботинки подошвами на сложенную ветошь. Петя подвинул такую же ткань под обувь Тагира. Ветошь приняла подошву без того удара, от которого я утром помор-

щился ещё на лестнице. Петя тоже помнил его: подвинул ткань, прежде чем Тагир успел поставить ногу рядом. Я дождался, пока щит окажется у стены и не заденет обувь. — Обувь снимайте. Носки оставляйте, кому нужно. — Я подвинул вторую ткань к нижней ступени.

Тагир задержался на шнурках, глядя в сторону птенца. Я дал ему тот же знак, что утром. — Это приказ, — я придвинул ему ткань ближе к носку, освобождая место у стены. — Или мы возвращаемся обратно и живём как раньше, или идём туда голыми ногами и учимся выживать. Боль в стопах — разменная монета. Смерть — нет.

Тагир смотрел на меня, когда взялся за шнурки. Я выдержал этот взгляд: у него утренние порезы болят не меньше моих, а маршрут опять ведёт в воду. Берцы он снял сам, без ещё одного приказа. Теперь надо было провести его так, чтобы злость не вырвалась у панциря вместе с криком. За ним потянулись остальные. С Акимовыми кедами возились дольше. Он развязал шнурки, ослабил их ещё на один ряд, прежде чем вытащить ноги. Я оставил ему время: после утренних порезов даже край обуви мог задеть кожу. Кеды он поставил на ткань рядом, чтобы найти сразу, когда вернёмся. Когда последний сапог поставили на ветошь, пролёт затих. Стало слышно, как капает вода сверху. Кап... кап... кап...

Ниже уже можно было различить стену без налобника. Тёплый воздух лип к лицу; от сладковатой вони гнили на языке появлялся привкус сиропа. Зато вода хватала холодом сразу до середины голени. На первом же шаге скол щебня упёрся в стопу. Стиснув зубы, медленно перенёс вес к краю камня. Скол всё ещё чувствовался в подошве; подождал, пока уляжется желание дёрнуть ею и стряхнуть боль. На повторный проход шёл с теми же утренними порезами. В памяти этот участок был гладким, потому что запомнил выход, а не каждую неровность. Здесь приходилось выбирать опору заново и оставлять людям время сделать то же самое.

Впереди, в тридцати метрах, возвышалась Кость. Это не была кость животного. Это был панцирь. Огромный, серо-зелёный, покрытый слизью, нарост, похожий на перевернутую лодку викингов, заросшую мхом. Размером с автобус. От него шло тепло; дрожание воздуха было видно там, где мой луч проходил над панцирем. Я придерживал пику ближе к телу. Стоило любоваться этой громадой на ходу — и наконецник заденет стену раньше, чем замечу.

«Птенец». Так дети называли эту тварь. Фитиль, Гвоздь и молчаливая Кнопка рассказали мне о ней в первую ночь, когда я отвёл их в дальний корпус. Они говорили, что она спит. Что она большая, мокрая и страшная. И что она никогда не открывает глаза, потому что у неё их нет.

Мы замерли в тридцати метрах от неё. Я прислонил пику к стене, освободив левую для знаков. — Слушайте меня внимательно, — я подал ладонь на уровне их фонарей, не заслоняя панцирь. Губы почти не двигались, звук выходил на одном дыхании. — Мы идём к ней. До пяти метров — только по моему знаку. Кто крикнет, остановит всех. Не позволяйте одному страху выбирать нам исход.

Аким схватился за грудь. Его лицо побледнело, зрачки расширились, став черными точками на белках. Подземка. Тот выход. Тот самый страх, который я помнил. Он хотел закричать. Я видел, как напряглась его шея, как открылся рот. Я поднял левую руку. Раскрыл ладонь. Прижал её к губам, потом резко опустил вниз. Правая осталась в фиксаторе под сухой тканью.

Жест. Без слов. Аким захлебнулся воздухом. Рот закрылся. Он посмотрел на мою ладонь, потом на мои глаза. Я не отвёл глаз и держал ладонь, пока он не перестал хватать воздух. Успокоиться хотелось и самому: второй раз обещать этому человеку, что один у твари не останется, было легче, чем провести его мимо открывающегося панциря. Он кивнул. Утренний жест принят второй раз. «Стоп-дыхание».

Я снова взял пику левой. Мы пошли. Босые ноги скользили по влажному щебню. Я искал опору носком, прежде чем переносить вес: под водой попадались такие же сколы, как у лестницы. Приходилось смотреть то на стопы, то на руки остальных. Одно неловкое движение, и Тагиру понадобится ловить уже меня. Тепло от «птенца» нарастало. Оно давило на виски,

вызывало лёгкое головокружение. Василиса шла рядом со мной. Её пальцы были сжаты в кулаки, ногти впивались в ладони. Я видел, как дрожит её подбородок. Я переставил Тагира за Василису, чтобы держал её сторону, Акима отправил в хвост к Кате. Тагир шёл на полшага сзади. Он дышал тяжело, часто, стараясь не издавать звуков, но воздух рвался из его груди со свистом.

Мы достигли отметки в десять метров. Здесь было видно текстуру панциря. Она напоминала человеческую кожу, но грубую, морщинистую, с глубокими трещинами, из которых сочилась густая желтоватая жидкость. По краям панциря торчали короткие отростки — конечности, сложенные под телом.

И тут балка над нами заскрипела. Старый настил над балкой съехал с края. Вода годами размывала крепление; сейчас вниз пошли лист, камни и пыль. Основная балка осталась над нами. Я видел место, куда упадёт край, и подал знак отступить на полшага.

Вместе с камнями и пылью из темноты вывалилось существо. По размеру оно напоминало крупную собаку, но тело было покрыто чешуёй, а вместо головы — круглая пасть, полная иглоподобных зубов. Крыса-собака. Мелкая паразитическая тварь, живущая в гнездах больших хищников.

Она упала в метре от Тагира. Тагир отпрыгнул назад, пятка соскользнула с камня. Он потерял равновесие. Его рот открылся. Крик рождался в горле, готовый сорваться наружу. Я увидел открывающийся рот раньше, чем услышал его. Прислонил пику к стене и выставил левую ладонь прямо перед лицом, почти касаясь носа: утром он остановился на этом знаке. Сейчас мне хотелось заслонить им и пасть упавшей твари, чтобы Тагир смотрел только на пальцы.

Но Тагир не увидел жеста. Он увидел только мою приближающуюся руку. Инстинкт самосохранения взял верх над разумом. Он дёрнулся в сторону, сбивая мою ладонь, и всё-таки издал звук. Не крик. Сдавленный, булькающий всхлип.

Пасть крысы-собаки развернулась в его сторону. Тварь приготовилась прыгнуть. И тогда «птенец» шевельнулся.

На фоне неподвижного панциря двигалась одна пластина в центре. Размером с дверцу шкафа; я смотрел на её край и вспоминал, до какой высоты он дошёл утром. Теперь поднималась так же медленно, будто успеем отойти, пока доберётся до прежнего места. Под ней открылась щель, откуда хлынул поток тёплого, зловонного воздуха. Тварь-паразит замерла. Её инстинкты подсказали ей опасность быстрее, чем нам. Она нырнула в трещину пола и исчезла. Мне хотелось проследить за ней лучом — понять, далеко ли убежала. Вместо этого оставил фонарь на пластине. Паразит уже выбрал выход, а наши восемь ещё стояли у него над головой.

— Застыли! — я удержал левую ладонь перед Тагировым носом, затем повернул её к остальным, показывая не расходиться. Голос был не громче шороха бумаги. Все замерли.

Я удерживал знак и ждал рывка. Вместо броска птенец поднял пластину ещё немного, прислушиваясь к тому, что происходило над водой. Пока мы стояли, он не шёл на нас. Стоило принять это за сон — и кто-нибудь первым переступил бы на другую ногу.

Пластина продолжала ползти вверх. Медленно. Со скрежетом, который отдавался в наших костях.

Фонарь бил в открытую щель; я удержал голову, хотя хотелось поднять её и заглянуть глубже. Сейчас было видно внутреннее строение. Там, внутри, клубилась масса светящихся нитей — нервная система, органы чувств. И в этой массе пульсировало что-то большое, темное. Сердце? Мозг?

Мы стояли неподвижно четыре минуты. Пульс бился слишком часто для счёта, но я всё равно возвращался к нему, когда хотелось переставить затёкшую ногу. Под панцирем уже хватало движения. Наши четыре минуты я удерживал хотя бы тем, что сам не давал колонне ни одного лишнего повода шевелиться.

Василиса покачнулась. Одно колено согнулось, и Тагир, стоявший сзади, тут же поймал её за локоть. Пальцы вдавились в рукав; Василиса вскинула на него глаза. Он даже не посмотрел в ответ — следил за панцирем, удерживая её на ногах.

При «Авроре» она бы эту руку оттолкнула. Здесь выпрямилась с его помощью и оставила локоть в захвате. Утром он тоже подхватил её, но сейчас успел раньше: вода едва качнулась у её колена. Несколько секунд смотрел на их сцепленные руки. Вклиниться между ними я бы уже не успел, а он успел. Хорошо, что стоял сзади. Хорошо, что больше не ждал приказа на каждое движение. Впереди шевелилась щель, за спиной дрожал Аким, и всё это разом одному не удержать.

Тагир чуть ослабил пальцы, когда Василиса обрела опору, но локоть не отпустил. Она осторожно переставила стопу и кивнула ему. Отсюда виден был только профиль, зато на его руке перестала ходить складка: дрожь унялась.

Пластина остановилась. Открытая щель стала напоминать зевающую пасть. И тут Аким, который замыкал строй и отвечал за слух, вдруг дёрнулся. — Слева! — шепнул он, указывая рукой в темноту бокового тоннеля.

Я повернул голову. Ничего. — Тише, — я повернул фонарь к Акимовым пальцам, давая ему вернуть сигнал рукой. — Там ходят! — Аким вцепился пальцами в рукав Василисы, направил её локоть к тоннелю. Его лицо было искажено паникой. — Много ног! Маленькие!

Я взял пику левой, приложил древко к стене, прислушался к клипсе. Паразит уходил по трещине: дробный стук удалялся. Аким услышал верно, но потерял расстояние. Его слух ещё не вернул ему место в этой камере.

Если сейчас начнется паника, все рассыплется. Звук будет таким, что «птенец» вылезет полностью.

Я быстро осмотрел колонну. Тагир держал Василису. Аким паниковал, отводя взгляд от центра и смотря в тоннель, куда ушёл паразит. Остальные пятеро смотрели на меня, ожидая решения.

Стоило назвать Акима вслух, и я сам повернул бы тварь к нему. Он ждал ответа; если оставить его так ещё на несколько вдохов, потащит Василису в тоннель, откуда слышит ноги. Я выбрал место перед фонарями, где мои пальцы увидят сразу несколько человек. Сейчас нужен был ответ, который дойдёт до Акима через остальных, даже если он опять отвернётся от меня.

Я снова прислонил пику к стене и поднял левую руку. Резкий взмах, указательным пальцем вниз. Затем два отчётливых касания той же рукой своего правого плеча. Эти два знака мы ещё не учили. Показывал крупно: руку вниз, к месту, где стоять; пальцы к плечу, потом взгляд на Тагира. Он должен понять первым и передать дальше. «Левая вниз» — «Смирно, замри». «Касание плеча» — «Смотри на меня».

Тагир вернул мне взгляд и передал движение соседу. Я дождался следующего лица, потом ещё одного. Пока они смотрели друг на друга, Аким оставался виден между плечами; ради него и пришлось показывать всё это шире привычного. Люди начали смотреть на меня, а не в темноту. Аким, видя общее спокойствие, тоже перевел взгляд на меня. Он всё ещё хватал воздух, однако перестал тянуть чужой рукав к тоннелю. Я удержал знак ещё на один вдох; пускай сначала увидит, что остальные тоже стоят и слушают, а не собираются оставить его у этой стены.

Мы перегруппировались. Я поставил Акима в центр, окружив его людьми. Теперь он мог видеть всех, и никто не мог убежать от него в одиночку.

В жестовый код легли два дополнения. Утренних двенадцати хватило остановиться; этих двух — собрать Акима обратно в строй без голоса.

Пластина начала опускаться. — Быстро назад, — я отнял левую ладонь от плеча, показал короткий обратный шаг и сделал его сам, забрав пику от стены.

Мы отступили. Не побежали. Отступили синхронно, сохраняя дистанцию. Ступня искала уже знакомый камень, и я ждал, пока за мной тоже найдут опору. До лестницы хотелось добраться бегом. Но стоило первому потянуть остальных за собой, и из ровного отхода получилась бы та бегущая колонна, которую Аким до сих пор слышал в голове. На выходе из подвала, когда мы добрались до лестницы, я понял: первый вечерний проход был разведкой боем. Мы узнали главное: В-класс не всегда убивает сразу. Иногда он просто проверяет.

На второй проход они вернулись медленнее. Теперь предстояло коснуться кости, а на расстоянии пяти метров вспомнить поднятую пластину было слишком легко. Я оставил перед выступом место для одного человека: никто не должен протискиваться к панцирю через чужие локти. Люди не хотели идти. После первого раза у многих тряслись руки. Тагир хотел отказаться. — Зачем? — Тагир удержал ремень щита, не снимая с плеча. Мы снова стояли в темноте, в пяти метрах от спящего «птенца». — Чтобы понять, что он реальный, — я прислонил пику к стене и оставил на его плече свою пустую левую ладонь. — Пока он для вас абстракция, пока он в вашей голове как картинка из учебника. Картинку можно бояться бесконечно. Реальность имеет цену.

Я вышел вперед. Щебень резал стопы. Панцирь дышал. Я проверил, не сползла ли ткань на правом фиксаторе, выбрал угол без рывка и протянул левую руку. Кожа панциря была тёплой, влажной и шершавой. Под пальцами чувствовались мелкие волоски, вибрирующие в ритме дыхания зверя. Я коснулся его. Ничего не произошло. «Птенец» даже не дернулся.

Я отступил. — Кто следующий? — я поднял свою раскрытую левую ладонь со следом слизи и показал место касания.

Василиса вышла первой. Её пальцы дрожали так сильно, что она не могла попасть кончиком пальца на нужное место. Закрыв глаза, она не нашла пальцем нужное место и открыла их снова. Я держал левую ладонь со следом слизи на виду: касаться надо там, где уже коснулся я. Василиса дышала глубоко, готовилась; толкнуть её сейчас вперёд значило бы испортить всё, ради чего вернулись.

Тагир положил ладонь ей на плечо. Василиса перестала качаться, вытянула руку — и сразу отдернула от панциря. Губы сжались в тонкую полоску. Тагир оставил ладонь на месте; она снова выпрямилась под ней. Я ждал, что она отойдёт ко мне, но она осталась у выступа и рассматривала след на пальцах. Лук здесь не поможет; зато эту поверхность можно потрогать и потом показать место другому. Она посмотрела на свои пальцы, на которых осталась слизь. Вытерла их о штаны.

— Ещё раз, — сказала она себе тихо. И снова коснулась.

Один за другим они подходили. Даже Аким. Он плакал, когда касался, но касался. Он прижимал пальцы, отнимал их, смотрел на слизь. Потом снова прижимал, уже дольше. Дыхание понемногу выравнивалось. Когда очередь дошла до Тагира, он посмотрел на меня. — Теперь мы знаем, что оно есть, — Тагир вытер пальцы о свободный край рукава и взял свой щит. Без насмешки. — Что дальше?

Дальше нужно было вооружить их. Артефакты лежали в сумке. Три палёных предмета. Щит и усиленный наруч из прежних выкупов; липкий якорь я забрал вчера, с актом на выбраковку. Щит был нужен всем. Но активировать его мог только тот, у кого есть много маны. У Еранговых маны было мало. Очень мало. Если я включу щит сейчас, он осветит нас «птенцу». Если не включу, люди умрут в будущем от отсутствия защиты.

Я достал осколки ядер. Три штуки остались после утреннего прохода. Два на этот запуск. Последний убрал отдельно: резерв на выход, который не отдаю даже ради красивого щита. — Слушайте сюда, — я положил щит на сухой выступ и вставил первый осколок; второй держал рядом с гнездом. Это была металлическая пластина, покрытая рунами, которые должны были светиться, но они гасли. — Этот щит жрёт ману. Ваши запасы закончатся через минуту. Потом

вы упадете в обморок. Потом умрете. Тагир усмехнулся. — Тогда зачем он? — Тагир придерживал край щита над сухим выступом, не отдавая весь вес моему фиксатору.

Я указал на его плечо, затем на две ладони соседей.

— Потому что есть способ кормить его не своей кровью. Есть способ питать его энергией друг друга. Передача по кругу.

Глава 67

Придерживая щит, показал смену на собственном плече. Сначала сюда ложится новая ладонь. Только после этого уходит старая. Утром в паузе я кормил поле один — ещё одна такая дыра сейчас могла уронить защиту. — Держатель тоже тратится. Но меньше вас. На двух плечах нагрузка делится, по одному вы её не вытянете. Аким посмотрел на мои плечи, затем на щит. Повторил движение в воздухе: положить, дождаться, убрать. Кивнул ему. Вот этот порядок нужен, без спешки. Энергия пойдёт по цепочке, и даже на смене цепь должна оставаться замкнутой.

Мы выбрали тройку. Я, Аким и Василиса. Тагир и Стёпа готовились принять питающие плечи. Остальные держали края и путь отхода. Кате показал два пальца — два заряда на этот прогон, без последнего резерва.

Первый толчок маны я удержал сам. Под ладонью Акима плечо дёрнулось, и я дал ему время поймать поток, вместо того чтобы сразу потребовать больше. Василиса стояла с другой стороны; по её хвату было понятно, что она ждёт моего знака, а не мерцания рун.

Руны вспыхнули бледным синим светом. Над нами вырос купол. Полупрозрачный, дрожащий, как мыльный пузырь.

«Птенец» в этот момент зашевелился сильнее. Пластина начала подниматься выше. Из щели потянуло ветром. Но купол не пропускал ветер. Он поглощал вибрацию. Звук шагов, дыхание людей — всё это растворялось в защитном поле.

— Держите! — я показал сомкнутые пальцы перед лицом Акима, прошипел сквозь зубы. Руны мерцали. Аким начал бледнеть. Его ноги подгибались.

В животе стянуло так, будто я опять весь день обходился кофе, только теперь еда ничего бы не исправила. Приходилось отпускать ману ровнее, чем хотелось: дать сразу больше было легко, дождаться следующей ладони — трудно.

Василиса схватила Акима за руку. Тагир, поняв, что происходит, подскочил и положил ладонь на плечо Василисы.

От нового контакта стало легче удержать поток. Я не разрешил Акиму сразу убирать ладонь — сперва убедился, что он стоит на ногах и видит меня. Четверо держали щит вместо троих; теперь нужно было воспользоваться сменой, пока облегчение не кончилось.

Пластина дошла до верха, и из-под неё вылетела голова. Я едва удержал взгляд на щите — так хотелось проверить, увидели ли её остальные. Глаз по-прежнему не было. Шесть ноздрей шевелились, как черви, а раскрытые челюсти показывали ряды иглоподобных зубов. Утром рядом с ними мы ещё стояли без купола; сейчас вся эта пасть повернулась к защите, которую держали наши плечи.

Голова нависла над нами в трёх метрах. Купол гудел, отдавая в зубы; я держал щит и следил, как тварь водит носом над его поверхностью. Ноздри раскрывались, ловя то, что поле ей ещё оставляло. От одного её рывка нас отделяло поле, а плечо под Акимовой ладонью уже подрагивало. Тварь не бросалась. Обнюхивала купол, задерживая каждую ноздрю над синим мерцанием. Вода холодила ноги; под курткой, наоборот, выступил пот. Нас нашли. Защиту заметили. И теперь пробовали понять, что она пропустит.

В-класс думал. Хранитель узла тоже будет думать.

Я смотрел на ноздри и пытался понять, какой наш следующий шаг покажется ему самым удобным для удара. Отойти сейчас — ослабить цепь; держать дольше — выжечь Акима. Утром я требовал, чтобы они смотрели на мои руки, а теперь сам ловил каждое движение чужой головы. Пока она нюхала, мы получали ещё несколько секунд. Почему не била — из любопытства или потому, что купол ей мешал, — выяснять сейчас не хотелось. Мне оставалось использовать эти секунды, а не принять его любопытство за нашу победу.

Тварь фыркнула. Голова медленно втянулась внутрь. Пластина начала опускаться.

Первый осколок погас. Коротким знаком попросил Стёпу вставить второй, пока сам удерживал поток. Когда и он выгорел, дождался опущенной пластины и показал разрыв. Купол погас, руны потемнели. Я всё ещё ждал, не придётся ли требовать от них держать плечи ещё один вдох. Но пластина оставалась опущенной, и можно было наконец снять руки, не подставляя соседей.

Мы упали на колени, задыхаясь.

— Третий проход — обратный, — я подхватил край щита, помогая Тагиру подняться. От голоса саднило в горле, и я замолчал, пока Тагир искал опору. Сказать «выходим» хотелось всем сразу, но первому сейчас нужно было встать со щитом, а не слышать, как я снова его тороплю. — Нам нужно выйти. Сейчас. — Я перехватил край щита выше, оставляя Тагиру место у лестницы.

Мы вышли из подвала в сумерки. Серый вечерний свет заливал бетонный двор. Дети-наблюдатели сидели на крыше бытовки и молча наблюдали за нами. Фитиль махнул рукой. Жест. «Все чисто». Мы прошли мимо них, не останавливаясь.

Во дворе я достал нож. Отставшая кожа цеплялась за ткань; пока делал следующий шаг, рана успевала открыться опять. Восемь человек ещё держались вокруг меня. Нужно было закрепить результат, прежде чем каждый уйдёт за своей водой. Я хотел срезать ножом отставшую кожу у старой трещины. Катя остановила кисть, отняла нож и промыла рану. На белый бетон упали две капли крови. Правая и без новой дырки была достаточно занята, чтобы не приносить её в жертву красивому кругу. Я посмотрел на восьмерых. Они стояли в кругу, грязные, уставшие, с красными глазами. — Подходите, — я убрал перевязочный край под рукав и протянул ладонь, не нож.

Первым подошел Тагир. Он посмотрел на мою рану, потом на меня. Я привычно приготовился к его вопросу «зачем», но он не спросил. Посмотрел на повязку и подошёл достаточно близко, чтобы руку не пришлось тянуть через круг. Он приложил ладонь к моей повязке. Сжал, удерживая пальцы на холодной ткани, а не на ране. — Мы те, кто уже не умирает, — я сжал его руку поверх своей повязки.

Василиса подошла следующей. Аким. Потом остальные. Каждая пара рук удерживала мою перевязанную кисть ещё один вдох. На бетоне темнели две старые капли; новые добавлять никто не стал.

Последним отпустил мою кисть тот, кто стоял у самого края круга. Опустил её осторожно: повязка тянула кожу, под ней пульсировало. Восемь человек и ни одной новой капли на бетоне. В контракте «Авроры» хватило бы строчки, чтобы отправить их под чужой щит до полного истощения. Здесь они подошли сами, и каждый старался не задеть рану. После подвала хотелось воды, сухих носков, сесть наконец. Но если сейчас разойдёмся, этот круг уже не повторится. Постоял с ними ещё немного, плечом к плечу, без щита между нами. Тагир перестал стискивать челюсть. Аким вытер лицо рукавом. Неловко было сказать что-нибудь ещё: первую фразу они услышали, а вторую я бы сейчас только испортил.

Ладонь после восьми рукопожатий болела, но опускать взгляд опять к повязке не хотелось. Я поднял голову и посмотрел на крышу. Фитиль повторил жест. Раскрытая ладонь. Стоп-дыхание. Гвоздь показал язык, но тут же закрыл его ладонью. Кнопка просто стояла, сжав кулаки. Пришлось прикусить улыбку. Мы-то учились за стенкой у В-класса, а эти трое успели выучить с крыши. Гвоздь убрал язык и остался ждать следующего знака.

— Хватит лирики, — я принял от Кати нож за рукоять, закрыл и убрал. — Проверить канал Штерного. Срочно.

У нас оставался один осколок ядра. Локальную архивную запись не стёрли — камера в бытовке всё ещё могла выдать ночь. Зато учебная заявка уже была в базе, а двор вошёл в подписанные границы. И три дня до расчётного открытия горизонта.

Убрав нож, я задержал руку у кармана и вспомнил дату в пакете. Гоша прочитает её рядом с подрядчиками и пустыми адресами. А мне придётся глядеть на тех, кто только что держал плечи возле В-птенца, и считать дни до горизонта. Восемь человек сами подошли к повязке. После этого подсовывать куратору удобную ложь хотелось ещё аккуратнее — чтобы он занялся ею, а не нашей стройкой.

От пакета тянуло свежей типографской краской и дешёвым табаком. За столом я ещё чувствовал в пальцах чужие хватки и каждый лист отделял аккуратно, чтобы не цеплять бумагу повязкой. Теперь надо было убедить Гошу, что весь мой день прошёл вокруг этих скучных листов. Я разложил на столе три слоя дезинформации: верхний — бытовуха, «прораб Штерн», «ночные смены», скучный ад подрядчиков; средний — технический шум, координаты пустых гаражей, ложные сигналы датчиков движения, которые я сам же и подделал за ночь; и нижний, самый сладкий для Гоши, — прогноз активности в секторе стройки с точной датой проверки двадцатого числа.

Над верхним слоем я задержался дольше остальных. Гоше нужно было за что зацепиться: увидеть подрядчиков, ночные смены и решить, что я опять прячу важное под ворохом мелочей. Слишком удобный пакет он отложит и пойдёт проверять людей. Я сверял листы по одному, представляя, на каком месте он усмехнётся, а на каком начнёт звонить. Дату оставил внизу. Ради неё он должен был пройти через всё остальное. Я репетировал перед мутным зеркалом съёмной однушки, кривляясь и изображая самого себя из первой линии — того уставшего, циничного рейдера В-ранга, который уже научился врать кураторам так, чтобы они верили, что обманывают его сами.

— Ты не знаешь, где он, — шептал я отражению, поправляя воротник. — Ты просто устал. И ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое.

Отражение хихикало моим голосом. Я попробовал ещё раз произнести фразу без этой усмешки и услышал, насколько старательно выходит. Гоша меня таким не знал. Пришлось оставить смешок: пусть думает, что я опять издеваюсь над его поручением, а не боюсь назвать дату. Телефон жужжал в кармане, а я продолжал глядеть в зеркало. На стройке Петя держал периметр, Катя добирала документы в гильдии. Им тоже хотелось бы знать, что у меня с пакетом всё готово. Отражению хватит репетиций; надо убрать флешку и выходить, пока утро не ушло на разговор с самим собой. Копию моего пакета она уже держит: третьим рукам отдавал новый экземпляр, не наши записи.

Время.

Гришино утреннее видео Севы уже переслал Гоше отдельно, отметку получения сохранил рядом со сроком. Вечерний отчёт Катя заберёт, пока я буду на рынке; звериное состояние мы не подмешивали к лжи о стройке.

Я вышел в серое утро, спрятав флешку в пустую пластиковую капсулу от антибиотиков. Обычный корпус, без передающего узла: Гришину капсулу уже передал накануне, второй раз её не получал.

Рынок у вокзала кипел жизнью: запахи жареного лука, мокрого асфальта и бензина смешивались в привычную кашу. Мёртвый почтовый ящик находился в старом ларьке с шаурмой, между холодильником с несвежими огурцами и стеной с граффити. Я купил пирожок, откусил его, сплюнул начинку обратно в салфетку, изображая брезгливость, и незаметно вставил капсулу в щель за выключателем света.

Капсула ушла в щель, пальцы остались на выключателе. Не стал проверять, держится ли: чужое движение возле света заметнее любого взгляда. Забрал салфетку с выплюнутой начинкой и отошёл от холодильника, как и положено человеку, которому не понравился пирожок.

Теперь нужно было уйти так, чтобы никто не понял, что я здесь был. Я выбирал, где свернуть, пока ещё можно было делать вид, что просто иду по рынку. До стройки здесь было

далеко, и именно это сейчас устраивало: заметить слежку у ворот значило бы уже привести её к нашим.

Человек в серой куртке двигался за мной ровно в том ритме, который выдаёт профессионала: слишком плавно, слишком уверенно. Он не терял дистанцию, но и не сокращал её. Хвост. Обычный, качественный, дорогой хвост. Люди Штерного умеют следить красиво.

Классические приёмы — нырнуть в толпу, залечь в подъезде, использовать блики витрин — здесь не работали. Он менял сторону ряда без заминки; я успевал увидеть серую куртку и опять терял её за людьми. Ещё один поворот не помог бы оторваться. Зато в переулке придётся выбрать, подходить ко мне или ждать у входа. В переулке запах рынка сменился сыростью и мочой. Я дошёл до места, где уже не пришлось бы протискиваться к нему через покупателей, и резко развернулся. Пусть видит лицо, а не куртку, которую провожал по рядам.

Серая куртка остановилась в трёх метрах. Парень лет тридцати, лицо чистое, выбритое, глаза внимательные и чуть удивлённые. За оружием он не потянулся, и я не стал проверять, что выйдет, если подойти ещё ближе. Три метра давали место разговору. В серой куртке он мог бы выглядеть обычным покупателем, если бы я не видел, как прошёл со мной через несколько рядов.

— Вы не с района, — сказал я, подходя ближе и делая вид, что мне нужно закурить. Я шагнул к его вытянутой руке, прикурил от предложенного огня и сразу отступил на прежнюю дистанцию. — Вам к Дюфе во второй ряд. Там дешевле, и хозяйка не смотрит так, будто вы ей должны.

Парень моргнул. Я успел заметить, как он проверил пространство за моим плечом: не идёт ли кто-то ещё, пока я развлекаю его разговором. Хороший хвост. На секунду хотелось улыбнуться по-настоящему — совет про Дюфу был почти дружеский. Но свободную руку он так и держал в кармане, а я стоял достаточно близко, чтобы пожалеть об этом раньше, чем успею отойти. Пора заканчивать знакомство.

— Спасибо, братан, — он убрал зажигалку, так и не вынув свободную руку из кармана.

— Не за что, — я выдохнул дым в сторону от его лица и обошёл его плечо. — Иди кушай.

Я повернулся спиной и пошёл прочь, чувствуя, как затылок сводит от напряжения. Он стоял ещё секунд десять, потом двинулся за мной, но уже медленнее. Я не обернулся у первого ряда, хотя затылок так и просил проверить, остановился ли он. Ларёк оставался у него за спиной; если сейчас пойдёт туда, разговор закончен, а капсулу придётся считать раскрытой. Но шаги продолжились. Значит, пока ему важнее я.

К гильдии повернул, когда знакомые ряды снова вывели к улице. У её стойки можно было ждать под открытой камерой, не оглядываясь каждую минуту. Я сел так, чтобы камера меня видела, и остался до пересменки зала. Пока люди уходили и приходили, держал сумку возле ноги: капсула в ларьке уже была без меня, настоящий осколок — здесь. После неё вышел служебным коридором к другому рынку, сверил витрины и только тогда пошёл к своим. У Кривого долг за услугу оказался удобнее риска привести хвост к детям.

Наводчик-каналщик, местный барыга по кличке Кривой, принял оплату за услугу с подозрением. Кривой смотрел на сумку, будто мог различить сквозь неё последний осколок. Я держал её на своей стороне стола. После подвала слишком хорошо знал, сколько даст этот резерв, если следующая смена рук сорвётся. За услугу каналщика платить им не собирался.

Я положил на стол кусок стекла, покрытый специальным составом, имитирующим люминесценцию маны. Заготовку с прежней съёмки я повернул светящимся краем к нему. Вроде бы выглядела убедительно; именно поэтому рука Кривого возле неё раздражала. Он мог забрать сразу, мог разглядывать до вечера. Мне требовалось, чтобы он всё-таки принял плату, а настоящий резерв остался в сумке.

— Чистый D-класс, — соврал я спокойно. — Бери.

Кривой понюхал стекло, лизнул край. Лицо его исказилось.

— Пахнет химией, — прошипел он.

— Пахнет деньгами, — я оставил стекло у его пальцев, не протягивая последнюю настоящую ману. — Или ты боишься, что Гоша спросит, почему ты торгуешь подделками?

Страх перед Штерным работал лучше любого клея. Кривой сунул стекло в карман и отвернулся.

— После рейда нормальным товаром доберёшь, — бросил он, придерживая дверь к своему люку. — За эту химию работу в ноль не списывай.

Я записал услугу рядом с Дёминой: настоящий долг, настоящий последний осколок пока у щита. Теперь он должен был объяснять Гоше принятую плату, если тот проверит качество. Я создал себе буфер из чужого страха.

На стройке оказалось непривычно тихо: ни ругани из бытовки, ни стука арматуры. Петя сидел на краю котлована, болтал ногами над водой и смотрел на экран. При моём шаге поднял голову, но телефон не убрал. Я подошёл сбоку, чтобы читать вместе с ним, и сразу поискал глазами отправителя.

— Катя приходила, — сказал он, не глядя на меня. — Передавала перехват.

Вцепился взглядом в экран. Перехват?

— Что именно? — я сдвинул Петину зажигалку от края котлована, под его ладонь.

— Она говорит, что проверка твоего пакета шла мимо канала, — Петя протянул мне её сообщение. — Гоша не дурак. Он послал человека в гильдию. Того, кого мы не учли. Человек при Кате.

Рядом лежала отметка учебной заявки семь-три-четыре. Подрядчик подписал временное использование двора и маршрута после ночного осмотра. Петя подал заявку до обучения, Катя добила запись в базе. Я сам проверил границы на присланной схеме и оставил Петру его экземпляр.

Перечитал «при Кате». Ни фамилии, ни времени, когда этот человек собирается уйти. Пакет ушёл в ларёк, а проверять его Гоша полез к ней. До стройки ему теперь достаточно проследить за одним возвращением. Петя держал телефон неподвижно, пока я читал второй раз.

— И даты, — продолжил Петя. — Катя принесла расшифровку съёмки «Восьмого участка». Та самая, с прежней съёмки. Слабый шов теперь досчитали по нынешнему состоянию. Окно нестабильного горизонта... оно выпадает на двадцатое число.

Мир качнулся.

Двадцатое.

Я наклонился над дневником на Петином колене и провёл взглядом от рабочей копии к новой расшифровке. Двадцатое и там, и здесь. В моём пакете это число было случайной приманкой, теперь расчёт по нынешнему шву возвращал его как срок. Я ещё раз сверил строки, прежде чем позволить себе поверить. Моя ложь совпала с реальностью; противнику можно было скормить её, но самому уже нельзя было относиться к ней как к выдумке. Старую цифру я не зачеркнул: обе остались рядом, чтобы видеть сдвиг.

Края расшифровки отсырели у меня в пальцах. Гоша мог знать дату, мог лишь проверять её; вот это мы пока не различали. Зато человек у Кати уже был. На нашу стройку Гоша теперь тоже мог смотреть через неё. Хотелось немедленно бежать за ней, вытаскивать из-под чужого взгляда, но я удержал себя над листом: без маршрута и людей мы только приведём его сюда следом.

— Он знает, где мы, — я положил расшифровку рядом с картой и отметил одно совпавшее число.

— Может, и нет, — пожал плечами Петя. — Может, он думает, что мы тут только спим и едим.

Петя не убрал телефон даже после моего ответа. Я и сам ещё раз посмотрел на сообщение Кати. То, что его человек сейчас при ней, ничего не говорило о том, может ли она сейчас уйти одна. Обещать, что всё под контролем, было бы удобно, особенно перед завтрашним сбором. Только против Гоши мы уже работали на ощупь, и Петя это видел.

В бытовке черновики лежали там, где до них мог дотянуться любой вошедший. Я собрал их, но сперва перенёс расчёт в чистый дневник. Петя сверял рядом, строка за строкой; когда он задерживался на числе, я тоже возвращался к нему. Дождались Катиного подтверждения: снимки открываются. Теперь можно было убрать бумагу, по которой чужой восстановит наши сроки.

В банку из-под краски листы пришлось уминать: торчали края, на которых ещё виднелись цифры. Я подвёл под них зажигалку, которой пользовался Петя, и придержал бумагу, пока огонь не взялся. Палец обдало жаром. Вытянул его и смотрел, как чернеет последняя строка. Пока она оставалась целой, всё хотелось проверить, не забыли ли мы перенести её; после сверки наконец удалось просто дать ей сгореть.

Пока огонь добирался до последних строк, я проверял себя: окно, маршрут, фамилии. Числа вспоминались без задержки, но после каждого я всё равно заглядывал в чистую копию. Унести отсюда ошибку, уверенный, что знаю всё наизусть, — вот был бы подарок Гоше. Петя молча придерживал дневник над банкой, подальше от искр.

«Сожжённое — запертое».

Я записал «Сожжённое — запертое» на чистом листе. В банке сгорели черновики, которые чужая рука могла забрать из бытовки. Расчёт остался у нас троих и в моей голове. Проверять его дальше буду по всем трём источникам, а Гоше в этом углу читать уже нечего.

Пепел остыл. Я растёр его в пыль и рассыпал по ветру. Петя закрыл зажигалку, вернул мне. Я убрал её в свой карман, отдельно от последнего осколка.

— Что теперь? — Петя придержал банку ботинком, не давая ей перевернуться от ветра.

— Теперь мы не готовимся пять дней, — ответил я, чувствуя холодок по спине. — Теперь у нас три дня до расчётного окна. Четвёртый себе не припишем. Гоша идёт на сближение. Нам нужно провести финальное построение немедленно.

Глава 68

— Прямо сейчас? — Петя усмехнулся. — У нас половина команды не спала вторые сутки, а Акима может накрыть снова.

— Пусть накрывает, — я поставил дату следующего сбора на краю карты, повернул лист к нему. — Лучше пусть он орёт здесь, чем молчит там, внутри разлома. Собирай всех. Рассвет.

Петя свернул карту так, чтобы дата осталась внутри, и полез за телефоном. Про Акима переспрашивать не стал. Зато задержал палец над первым контактом: завтра тому снова придётся спускаться туда, где его накрыло. Я подождал, пока Петя нажмёт вызов. Если Аким сорвётся, пусть это случится рядом с нами, на знакомом маршруте.

Когда Петя отошёл звонить, я сел на край котлована. Над водой покачивались мои ботинки. Двадцатое стояло в дневнике, и больше отмахнуться от него как от числа для приманки не получалось. До него оставалось три дня. На четвёртый я уже не рассчитывал: за эти три надо было довести людей до входа, пока они ещё могли слушать меня, а не первый крик внутри.

Над башней было пустое небо. Я долго всматривался в него, ловя движение у слабого шва, хотя оттуда пока ничего не шло. Тишина не успокаивала. После сверки дат я всё время ждал, что треск донесётся раньше, чем успею закрыть дневник.

Гоша смотрел на нас. И мы знали это.

Пять двадцать утра. Помню это как сейчас: мокрый цемент и страх. Я стою на краю второго яруса недостроя, левая рука сжимает холодное древко пики, правую берегу в фиксаторе. Последний осколок лежит в отдельном кармане, от повязки отделён тканью. Внизу, в серой дымке рассвета, восемь человек выстроились в линию. Тони смотрит на ботинки, Аким проверяет пальцами соседнюю ладонь. Мне надо дождаться, когда каждый увидит мой знак. Вчера они уже проходили подвал, но теперь первая задержка одного остановит всю колонну. Даю им выстроиться до конца; заходить заново, только чтобы поправить строй, мы сегодня не будем.

— Тишина, — выдыхаю я на сухой верхней площадке, прежде чем поднимаю открытую ладонь и замираю. Жест «стоп-дыхание». После паники Тагира и упавшей крысы-собаки мы повторяли его столько раз, что я уже жду ответа раньше, чем закончу поднимать руку. Без него не поведу даже на лестницу. Поочерёдно ловлю соседние ладони: никто не пропустил.

Аким кивает первым. Его губы сжаты, пальцы подрагивают, но он стоит. Василиса поправляет тетиву лука, проверяя натяжение без звука. Тагир, наш будущий сержант, держит щит на плече, его лицо каменное. В линии стоят остальные должники, мои серые мыши. В первой жизни я запомнил их мёртвыми; здесь они переминаются, ждут меня. До лестницы девять шагов, до подвала тридцать. Маршрут на пять минут, и я прикидываю его по каждому из них: где придержать Тони, где дать Тагиру пройти со щитом. Сегодня надо довести всех до выхода, иначе своей площадки у нас так и не будет.

Первый шаг показываю босой ногой, медленно: пятка касается бетона, вес ещё остаётся сзади, затем я переношу его на всю стопу. В подвале у спящего В-птенца они повторяли за мной именно это. Даю посмотреть ещё раз и надеваю ботинки — ходить по стеклу ради красивого примера не собираюсь. У команды подошвы уже обмотаны. Теперь слышно, как они дышат; шаг Тагира, которого я ждал со скрежетом, проходит почти бесшумно.

Первый ярус проходит чисто. Лестница скрипит под весом Тагира, но никто не ругается. Мы спускаемся ниже. Второй подвал. Здесь должно быть пусто. Ночью я сам увёл птенца вибрирующей приманкой к дальнему шву. Нижний коллектор шириной с камеру уходил под северный корпус; своя тяжесть зверю там не мешала. Аким слушал перемещение, Лёва страховал трос с верхнего пролёта. Липкий якорь держал лишь ткань с приманкой. Фитиль, Гвоздь

и Кнопка смотрели сверху, к пасти не спускались. По этой проверенной полосе назначили третий учебный выход.

Сейчас я смотрю, где осталась приманка и куда ставит ноги первый за мной. В пустом подвале легко забыть, зачем глушили подошвы. Мне важно провести их с той же осторожностью, с какой ночью уводили птенца.

И тут Аким поднимает руку. Два пальца вверх. «Стоп».

Я удерживаю стопу над следующей ступенью и переношу вес назад. За спиной тоже перестают идти; теперь можно слушать, что поймал Аким.

На уровне первого яруса, там, где мы только что были, мелькает тень. Потом ещё одна. Свет фар режет темноту сверху вниз. Они пришли раньше графика. Аудитор «Авроры» привёл своих людей. И Севку Гринёва.

Слышу приглушённый мат Гринёва, эхом летящий вниз по шахте лифта. — Где эта сволочь? Прораб сказал, что здесь сквот! У меня есть ордер!

Чужой фонарь скользит по лестнице, откуда мы только что сошли. Я подаюсь к стене и сразу останавливаю себя: если первым дёрнусь я, за мной рванут остальные. Под ногами у них стекло, на спинах артефакты, а наверху аудитор. Ему даже допроса не понадобится. Восемь-рых, которых я здесь собрал, разберут по чужим контрактам, и завтра вместо нашего входа у каждого будет свой хозяин.

Я оборачиваюсь. Восемь пар глаз смотрят на меня. В них паника. Тагир уже сжал кулаки, готовясь прыгать вверх. Аким побледнел, его уши ловят каждый звук, но тело отказывает. Двое из новичков, мальчишки, которых я вытащил из долговой ямы, дрожат. Руки ходят ходуном. Щит «передача по кругу» на них не надеть, если они не могут удержать равновесие.

До несущей плиты несколько шагов. Я вижу сухую полосу, которую Стёпа нашёл ночью, и отвожу остриё от лестницы. Сейчас нужен тот же жест, без поправок и новых слов: Тони и так едва следит за рукой.

Я поднимаю пик. Не угрожающе. Я рисую ею в воздухе знак. «Левая сторона. За мной».

Тони запаздывает. Лёва касается его плеча, разворачивает к моей ладони. Остальные уже передают знак назад.

По лестнице тяжело идут. На каждом шаге Гринёв задерживается, будто ждёт, что мы сами вылезем на его голос. Я держу пик ниже просвета и показываю ладонью дальше. Ещё два человека за плиту — и на ступенях нас уже не увидят.

Я делаю шаг глубже, от лестницы, но рукой показываю команде: «За мной. В слепую зону».

Жест «шлюз». Вчера ночью отработали его дважды в пустой нише. Катя проверила, что фонарь не отражается на воде; Стёпа на второй попытке уже не перекрыл Лёве выход. Запереть проход телом и конструкцией.

Тагир понимает последним. Он хрипло выдыхает, кивает и толкает двоих дрожащих мальчишек за колонну опоры. Василиса скользит следом, бесшумная, как тень. Аким встаёт в середину ниши, чтобы слышать подход и видеть обе соседние ладони. Я остаюсь у края плиты: первый удар, если нас найдут, придётся встречать мне.

Мы уходим в нишу за несущей плитой. Секунды идут. Десять. Пятнадцать. Двадцать.

Гринёв спускается на уровень второго подвала. С ним двое здоровых мужиков в куртках «Авроры» и бледный аудитор с планшетом.

— Здесь кто-то был, — рычит Гринёв, светя фонарем по стенам. — Свежие следы. Мел. Кто-то писал мелом!

Аудитор нервно оглядывается. — Севка, тише. Если там рейдеры...

— Какие рейдеры? — плюёт Гринёв. — Серые мыши? Расходники? Да они разбегутся, как тараканы, когда я им контракт покажу!

От табака у плиты хочется чихнуть. Я прижимаю губы к рукаву и смотрю на Тагира: рядом он дышит ртом, кулак снова сжат. До чужого ботинка ему рукой достать, потому и злится. Касаюсь предплечья одним пальцем, удерживаю, пока он не посмотрит на меня. «Стой». Ударить он успеет и позже; если поднимется сейчас, остальные окажутся у него за спиной в этой нише.

Он замер.

Ботинок Гринёва приближается к колонне. Я отодвигаю наконечник за плиту, чтобы фонарь не поймал металл. Следом идут мужики; высокий ставит ногу на стекло. Хрустит так резко, что я едва не оборачиваюсь на своих. Но чужая подошва всё ещё стоит сверху, а наши молчат.

Гринёв оборачивается. — Что там?

Тишина.

Мужик разводит руками. — Ничего. Щебень.

Они идут дальше. К выходу из подвала. Их спины отдаляются.

Когда они проходят мимо, я продолжаю считать шаги. Гринёв не из тех, кто один раз покричит и успокоится. Скоро вернётся сюда либо загородит двор, и тогда круг будем собирать у него под носом. Ждать, пока он доберётся до ворот, я не собираюсь; второй выход мы проверили именно для этого.

Я перевожу ладонь на своих, задерживаясь перед каждым лицом. Тагир разжимает кулак; Тони всё ещё прижат спиной к плите, но смотрит на меня, не на лестницу. Никого не потеряли. И никто не выскочил наверх, хотя Гринёв буквально звал нас. За вчерашние прогоны я впервые благодарен так сильно, что приходится придержать улыбку.

«Код работает». Я снова показываю выход, уже без той судороги в запястье. Ребята передают знак назад, и мне больше не надо оборачиваться за каждой парой: последний отвечает сам.

— Идём, — шепчу я одними губами.

Мы выходим из ниши. Не назад, а глубже. В тоннель, ведущий к дальней стене стройки. Там есть второй выход. Тот, который я нашёл на чужой схеме и проверил ещё до обучения. После наших прогонов на стене остались риски уровня воды; выше них вода пока не поднялась. Выход к северному двору, рядом со швом горизонта-спутника.

Через пять минут мы выбираемся во внутренний двор. На бетоне двора уже лежит роса. Над нами — северная башня недостроя, обвитая лесами.

Здесь мы ждали этого момента. Финальный круг.

Я встаю в центр. Команда смыкается вокруг меня кольцом. Восемь человек. Плюс я. Девять. Петя выходит к крановой опоре за каской и папкой. Под щитом остаются семеро со мной; он держит чужие вопросы снаружи.

— Щит, — я подаю Тагиру место в середине круга, убираю пику в петлю у левого локтя. Без жестов. Здесь можно говорить. Голос должен прозвучать как приказ.

Тагир ставит щит на сухой бетон, не вбивая в него край. Василиса и Аким встают по сторонам держателя, кладут ладони Тагиру на плечи. Я достаю последний осколок ядра и вставляю в гнездо щита. Единственный. Резерв на этот финальный выход. Я разрешил потратить его ещё у карты, раньше чужих фонарей.

— Передача по кругу, — я ставлю ладонь на открытый питающий край щита, задаю первый поток. — Держите. Не отпускайте, пока не скажу.

Осколок вспыхивает синим. Свет бежит по цепочке рук. Тагир кряхтит, он удерживает контакт, передаёт щиту собственную ману и поток от двух питающих. Аким бледнеет, но держит. Василиса кусает губы до крови.

Щит вздрагивает. Из центра купола начинает расти полупрозрачный барьер. Он шипит, отталкивая влагу и пыль.

Внутри щита уже тянет из ладони. Чтобы купол вырос ещё на полметра, приходится держать поток ровнее, не добирать силу рывком. Тагир держит его на собственном теле; я вижу, как у него напрягается шея. Если сейчас отпустить край, обратно этот осколок не соберём. И для следующей защиты сил у нас останется меньше.

— Держим! — я подхватываю дрогнувший край потока, показав Стёпе принять Акимов контакт на плече Тагира.

Барьер растёт. Полтора метра. Два. Три. Он накрывает нас куполом. Воздух внутри становится горячим, статическим. Волосы встают дыбом.

И тут снаружи раздаётся голос Гринёва.

— Стоять! Все на месте! — Гринёв упёр фонарь в край купола, попытался поймать мои глаза сквозь синее мерцание.

Мы не можем двигаться. Щит держит нас вместе. Любое резкое движение — срыв контура.

В купол бьют лучи света. Фонари. Те же четверо из «Авроры» вышли к воротам двора, отрезая обратный проход.

— Вылезайте! — Гринёв ударяет кулаком в собственную ладонь, не решаясь ткнуть в купол пальцем. — Я вас вижу! Там, в этом вашем пузыре!

Сквозь мерцание различаю Севку. Фонарь у него наведён мне в лицо, а улыбка такая, будто он уже подписал за нас все бумаги. Хочется показать ему, куда засунуть контракт. Я вместо этого проверяю руки у щита: пальцы Стёпы ещё на месте. Петя должен успеть прежде, чем кто-нибудь из наших ответит Гринёву вслух.

— Петя! — я вытягиваю свободные пальцы к крановой опоре, указывая на папку.

Из-за опоры крана выходит Пётр. На переходе он был в строю. Во дворе вышел из боевого ядра к документам. Он прораб. В каске, с бейджем на груди, в грязной спецовке. В руке у него папка с документами.

Гринёв замолкает, глядя на Петю.

— Ты кто такой? — аудитор поднимает планшет, ищет Петин бейдж под краем папки.

— Прораба вызывай, — Петя разворачивает бейдж к нему, оставив папку открытой. Голос у него низкий, уверенный. На вечернем прогоне он стоял рядом со мной. Сейчас держит папку обеими руками, чтобы бумага не выдала дрожь. Голос не дрожит. — Учебный рейд. Заявка номер семь-три-четыре. Подана до обучения, подтверждение вчера вечером. Командир Пырьев, я прораб. Проверьте базу Реестра.

Аудитор мнётся. Он листает планшет.

— Ну? — Гринёв заходит аудитору за плечо, пытается прижать экран пальцем к своей строке.

— Есть, — аудитор убирает чужой палец, увеличивает номер в базе. — Заявка... учебная... статус легальный. Но почему в подвале? Почему скрытность?

— Потому что тестировали работу в условиях ограниченной видимости и акустического давления, — Петя поворачивает к нему схему с отмеченным учебным маршрутом. — Учебная группа, командир D-ранга. Если вам нужны подробности, приходите завтра. С бумагой посерьёзнее. А сейчас удалитесь с территории объекта.

Гринёв багровеет, тычет фонарём в ворота. — Какой объект?! Этот недострой принадлежит подрядчику! Вы тут сквоттеры!

— У командира есть лицензия на самостоятельные рейды, — говорит Петя, делая шаг вперёд. Петя поднимает страницу выше, на уровень планшета. Через гул щита я с трудом ловлю его слова, зато вижу, куда смотрит аудитор: от бейджа к строке подрядчика, потом обратно в базу. Наконец он задерживается на подписи. Петя не убирает лист, даёт сравнить его до конца; Гринёв ещё тычет фонарём в ворота, но отвечать ему уже никто не спешит. Я держу поток, пока они разбираются с бумагой: поверить Петру мешает только Севкин голос. — И договор аренды

на временное использование площадки для тренировочных целей. Подпись подрядчика есть. Ваш работодатель, «Аврора», не может блокировать независимого подрядчика без оснований. Оснований нет. Уходите.

— Да ты... — Гринёв тянется к кобуре, но аудиторские охранники тормозят его.

— Севка, хватит, — аудитор закрывает планшет, отступает за дубинку своего охранника.
— Мы уходим. Это легально.

Гринёв задерживает фонарь на своём лице. Улыбки больше нет. Он смотрит то на меня, то на руку Тагира у щита, будто пытается понять, кого первым оторвать от остальных. Я оставляю ему этот выбор без ответа. Купол стоит, Петя держит бумаги, аудитор уже повернулся к воротам. Сейчас Севка не может сделать с нами ничего, кроме угрозы.

— Вы ещё пожалеете, — Гринёв прячет руку от кобуры за спину, оставляя ладонь в кулаке.

Они разворачиваются. Уходят. Шаги стихают.

Во дворе остаётся тишина.

Щит гудит. Осколок в гнезде щита нагревается; от него идёт короткое мерцание. Время идёт. Сорок секунд. Минута. Полторы.

— Держим, — я показываю Лёве принять Василисин контакт. Она уже тянется к Акиму. Голос срыгается.

Тагир начинает шататься. Аким падает на одно колено. Василиса поддерживает его.

— Ещё десять секунд! — я показываю раскрытые пальцы дважды; Тагир возвращает знак, не отпуская щит.

Сверху, с безопасной площадки у крана, раздаётся свист. Два коротких, один длинный — «чисто». Три коротких мы оставили для чужих с оружием.

Я узнаю свист Фитиля и всё равно дослушиваю до конца. Два коротких, один длинный. Третьего короткого нет. Дети остались наверху у крана, как условились, и оттуда видно, куда ушли четверо. Только теперь позволяю себе смотреть не на ворота, а на побелевшие лица вокруг щита.

— Отпускать! — я раскрываю ладонь к питающей паре, развожу пальцы.

Я уменьшаю поток, показываю разрыв питающей паре. Последний осколок гаснет в гнезде, и щит схлопывается. Синий свет гаснет, оставляя после себя вспышку в глазах. Мы падаем на бетон, тяжело дыша. Головы кружатся. Руки горят.

Аким дышит с пола, Василиса сидит рядом с ним, придерживая плечо. Тагир всё ещё обнимает щит, хотя держать его больше незачем. Я поворачиваюсь на бетоне к остальным и ещё несколько секунд пересчитываю своих: после такого напряжения радость приходит не сразу, сначала надо увидеть, что каждый шевелится и отвечает.

Тагир поднимает голову, смотрит на меня. Ухмыляется. Криво, устало, но искренне. — Чисто, командир. Чисто.

Я уже открываю рот, собираясь ответить на это «чисто». Завтра с такими людьми можно входить: Аким удержался, Тони не побежал, Петя выгнал аудитора собственным голосом. Хочется сказать им это прежде, чем начнут вспоминать, как тряслись за плитой.

Но слова застревают в горле.

Воздух меняется.

По ещё горячей после щита спине проходит холод. Я отвожу плечо, будто за мной кто-то стоит, и тогда слышу визг. Высокий, тонкий — так рвут натянутую ткань. Он идёт сверху, перекрывает остаточный гул в ушах. Поворачиваю голову к башне, уже забыв, что собирался сказать Тагиру.

Все замирают. Мы одновременно поднимаем головы.

Над северной башней нестроится небо трещит.

Разлом.

Слабый шов есть на карте. Широких врат над северной башней — нет. В первой линии здесь небо оставалось целым. До расчётного двадцатого ещё два дня.

Но сейчас пространство над стройкой раскрывается, как рана. Фиолетовый свет льётся вниз, подсвечивая бетон, лица, пыль. Воздух становится сладким и тошнотворным.

Где-то в глубине разлома, в этом новом, невозможном горизонте, слышатся шаги. Тяжёлые. Медленные.

Это не птенец. Это не зондеркоманда.

Это Хранитель.

Моё сердце пропускает удар. Я узнаю размеренный удар по записям первой линии. Хранитель узда. В груди холодеет, но маршрут к стоку уже пройден. Пять минут до виадука; эти пять минут теперь знают восемь людей, которых не надо сначала ловить по двору.

Восемь лиц поворачиваются ко мне раньше, чем я успеваю поднять ладонь. Даже Аким отрывается от бетона и ищет мой знак. Вот сейчас всё, что мы делали ночью и на рассвете, должно вывести их отсюда. Я смотрю на сток, чтобы следующим движением уже показать дорогу.

Я поднимаю ладонь. Жест «стоп-дыхание». Автоматически. Без мысли.

Отряд замирает.

В фиолетовом свете я различаю бледные щёки Тони. Шаги идут ближе, без привычного эха от стен: звук тянется прямо из раскрытого неба. Я на мгновение прислушиваюсь, не приближается ли он уже со стороны стока. Нет, там остаётся наш путь. Надо уйти, пока он ещё остаётся.

Петя подходит ко мне вплотную. Он не смотрит в небо. Он смотрит на мои руки, на пику.

— Прораб ушёл на обед, — Петя отцепляет каску от подбородка, подхватывает свою арматуру у крановой опоры. Тихо, я слышу только благодаря тишине после щита.

Я не отвечаю. Я не могу отвести взгляд от разлома.

Двенадцать лет со мной. Пика в левой, правая болит, щит без заряда. Восемь человек видят мой знак и ждут следующего. Я должен привести их домой живыми — теперь начнём с маршрута, который уже умеют пройти.

Я отцепляю пику из петли и сжимаю древко. Левая рука. Правая болит.

Я показываю на сток. За мной.

Тагир поднимает погасший щит, Лёва убирает ремень с дороги Василисы. Петя становится справа. Фитиль уже уводит детей по северному пролёту — показывает мне два пальца, я отвечаю. Площадку, людей и первый общий выигрыш мы забрали. Теперь нужно узнать, почему Хранитель вышел на два дня раньше окна.

Шаги становятся громче.

Глава 69

Ботинок ушёл в грязь с чавканьем. Я задержал ногу и посмотрел под плиту: холод тянул снизу, сводило лопатки. Ветер на виадуке гнал сухую пыль, пах палёной пластмассой, но отойти от провала теплее не становилось. Асфальт над ним выпирал горбом и медленно опадал, будто под землёй дышали. Мне хотелось отступить на ровный бетон, только сейчас надо было найти, откуда войдём все девятеро.

От башни мы ушли через сток, пока шаги за швом ещё были далеко. На разрушенном мосту выходил край того же горизонта-спутника. Здесь я остановил своих: левая ладонь раскрылась, затем сжалась в кулак — «стой, жди». После стройки на ответ не требовалось слов. Петя, второй в колонне, следил за моей рукой. Лёва смотрел на трещину в плите. У Тони на резком вдохе брякала разгрузка о карабин; я подождал, пока он придержит её. Теперь сток оставался за спиной, а перед нами надо было проверить этот вздыбленный край.

На патрули оставалось сорок минут — столько я отмерил в ложном графике, который Гриша передал Гоше. Пока тот сверял его со своим планшетом, сектор должен был оставаться пустым. Я рассчитывал войти сюда после подготовки, а пришлось вести людей сразу со двора, после щита. Разлом уже нарушил наш срок на два дня; сорок минут пока оставались единственным сроком, на который можно было опереться. Терять их на мосту не хотелось.

Впереди, у сгоревшего КПП, где ржавая будка охранника торчала как сломанный зуб, шевелилось что-то живое.

— Стоп-дыхание, — я прижал палец к губам, повернув голову к Пете, и показал ему на раскрывающийся клюв.

Петя уже смотрел туда. У туши копошились трое стервятников-помесей, Е-ранг. К грязным перепончатым крыльям липли остатки перьев, клювы загибались вниз, и от каждого рывка над тушей стояло хриплое карканье. Таких я знал по первой линии и сейчас первым делом подумал, как заставить их замолчать. Одного промедления хватит, чтобы остальные взлетели, а поднимать головы в секторе нам ещё рано.

Пику вытаскивал медленно, придерживая чехол, чтобы секции не зазвенели снаружи. Мне даже тихого карканья хватало с избытком. Если падальщики поднимут настоящий крик, его услышат патрули с другой стороны сектора. Нам тогда придётся встречать их здесь, у КПП, вместо того чтобы добраться до ядра. Я дождался, когда остриё выйдет целиком, и развернул его к жожаку.

Петя выступил с арматуриной. Я поймал его локоть и показал: «мои руки». Здесь я знал, куда бить, и не хотел учить его на первом же клюве. Лёве указал на третьего — срезать, если рванёт вверх. Петя остался рядом, арматуру не опустил. Так и нужно: первый удар забираю я, но за спиной должен стоять человек, который вмешается, если промахнусь.

Из укрытия я вышел прямо к туше. Все трое повернули головы; в чёрных глазках дрожал серый свет. Жожак расправился первым, перья вокруг шеи встали торчком, клюв пошёл вверх. На вдох у него оставалась секунда. Я уже перенёс вес на переднюю ногу, выбирая за крылом мягкую полосу, куда остриё войдёт без скрежета по броне.

Не давая ему сделать выдох, я рванул корпусом вперёд. Ноги скользнули по влажному бетону, но я не упал — привычка держать равновесие на раскачивающихся вагонетках въелась в суставы. Пику я развернул левой рукой, ведя ременную петлю по правому наручу: коротко, без рывка большого плеча. Не для удара сверху, а снизу вверх, коротким тычком, используя древко как рычаг. Остриё вошло в мягкое подкрылье, в зону между ключицей и грудной клеткой, туда, где у этих тварей нет брони.

Жожак захрипел, вместо крика получив бульканье. Он дёрнулся, пытаясь клювом достать до моего лица, но я сместил центр тяжести, ударил плечом в бок, опрокидывая его на спину,

и добил коротким движением левого запястья — секция пики провернулась, разрезая связки шеи. Теплая кровь брызнула мне на рукав.

Двое других забили крыльями, подняли пыль. Я шагнул назад, освобождая место для древка, и ударил второго поперёк черепа. Хрустнуло сухо, тварь завалилась под тушу. Третий уже оторвался от бетона, но Лёва шагнул ему наперерез. Арматура достала крыло в воздухе; стервятника развернуло и бросило к моему ботинку. Я прижал крыло подошвой, нашёл остриём грудь и удержал, пока он перестал дёргаться. Лёва остался смотреть вверх: вдруг из пыли вылетит ещё один.

После последнего удара я ещё несколько секунд стоял над крылом. Слышно было, как дышим мы и гудит дальний край горизонта. Крика не подняли. Отпустил тварь ботинком и повернул пику так, чтобы не задеть тех, кто пойдёт следом.

Тони смотрел на кровь у меня на куртке. Я задержался перед ним: пусть переведёт взгляд на ладонь, прежде чем двигаться дальше. Он увидел знак «за мной» и пошёл. За остальными тоже не пришлось возвращаться — даже после драки у туши они оставались в колонне и не переговаривались.

К дыре в асфальте подходил уже с пикой, отведённой вдоль ноги. Я знал коллекторы под сектором, но сам этот разлом в первой линии выглядел иначе. Здесь он открылся раньше и пропустил внутрь зондеркоманду «Авроры». Прежде чем спускаться вслед за ней, пришлось смотреть на край провала заново, а не выбирать место по прежней памяти.

Внизу пахло озоном и гнилым мясом. Я втянул воздух через нос и тут же пожалел: горячая вонь осела на нёбе. По предплечьям побежали мурашки. Серый налёт на стене то собирался складками, то растягивался, и вместе с ним уходил вбок просвет коридора. Я проследил один полный вдох и выдох разлома, прежде чем разрешить следующему человеку спускаться. Стоять у самой стены здесь уже нельзя.

В клипсе за ухом гул стен отделялся от скрипа металла. Я прикрыл глаза на один вдох, чтобы не следить за налётом, и поймал сбоку слабый шелест воздуха. В первой линии так месяцами слушал рельсы и трубы; со своими снова повторял это на стройке. Здесь интервалы оказались другими. Прежний ритм навязывать разлому не хотелось, зато паузу в нынешнем я уже различал.

Команда спускалась за мной. Первыми шли Петя и Катя. Потом Тагир, Василиса, Стёпа, Тони, Аким... и замыкал нашу группу Лёва.

Петя с Катей успели отойти от спуска, когда сзади стало тесно. Я оглянулся, ожидая увидеть зацепившуюся разгрузку. Вместо этого увидел Тони, который застыл посреди прохода. Этого я и боялся: в подвале он ещё справлялся, а здесь стена менялась у него перед лицом.

У Тони вырвался сдавленный звук. Стена перед ним наливалась багровым, пол под ногами размяк. Я посмотрел вверх: потолок сел на три метра, над касками оставалось меньше ладони. Теперь даже подняться на носки нельзя. Показал Аким задержаться, чтобы тот не толкнул стоящего впереди, и сам повернулся к вязкому участку.

— Держать строй! — Я выставил левый локоть поперёк прохода, задерживая Акима перед вязким участком. Я сказал это громче, чем собирался. Затор уже разрастался, Тони перестал видеть мою ладонь, и одних знаков им сейчас не хватало; потом будем слушать, кто ещё услышал мой крик.

Тони смотрел себе под ноги и пропускал мои команды. Подошвы начали уходить в размякший бетон. Он попытался отступить, но одну ногу пол держал крепче другой; плечи качнулись назад. Ещё шаг — и сядет туда всей разгрузкой. Я поднял ладонь перед его глазами, стараясь оторвать взгляд от ботинок, а сам смотрел, куда могу поставить ногу, чтобы дотянуться до него.

Сзади него, в узком проходе, возник затор. Аким толкнул его, пытаясь пройти, но Тони вцепился в его куртку, и оба повалились бы на пол, если бы я не среагировал.

Пику пришлось отставить к стене. Лево́й вытащил из подсумка короткий трос: руками я достал бы Тони, только ступив на тот же пол. В лужу вокруг его ног уже тянуло бетонную крошку. Я отступил к неподвижной трубе, примерил длину до ремня и освободил крюк. Петя понял, зачем мне труба, и встал у свободного конца.

Я метнул трос, крюк зацепился за кольцо Тониного ремня. Завёл свободную часть за неподвижную трубу и откинулся назад. Петя подхватил конец; я оттолкнулся ногами, придерживая петлю правым наручем. На большое плечо натяжение не отдавал — труба позволяла тянуть корпусом и левой. Тони вылетел из текучего пола, царапая ноги о твердеющий бетон, и упал на колени рядом со мной. Я подхватил воротник левой, чтобы он не завалился обратно. Он наконец повернул голову ко мне. Мы оба прижались к стене, освобождая место Аким; теперь можно было говорить прямо в ухо и объяснить, когда ставить ногу, чтобы снова не влипнуть.

— Слушай меня, — прошептал я ему прямо в ухо, глядя, как его расширенные зрачки фокусируются на моём лице. — Пол здесь живой. Он дышит вместе с нами. Когда он делает вдох — ты стоишь. Когда выдыхает — ты идёшь. Ты понял? Не смотри на стены. Смотри на пол.

Я придержал Тони за куртку, пока он поднимался. Он кивал слишком быстро, будто хотел уже закончить разговор и догнать остальных. Пришлось подержать ещё на один вдох стены. На выдохе подошвы отпустило, и шаг он сделал сам. Лишь после второго я снял руку с воротника: идти теперь умел, а оглядываться с перепугу пусть учится по дороге.

За следующим поворотом пришлось прижать локти к бокам. Проход сужался на глазах; сверху сыпалась пыль, камень протяжно скрипнул. В разломе геометрия менялась каждые двадцать минут, а мы попали на сжатие. Я посмотрел назад: Тони шёл, но расстояние между ним и Лёвой таяло быстрее, чем хотелось. Надо было найти боковой выход до того, как их прижмёт к нашим спинам.

— Бежать, — я рубанул ладонью вперёд и сам шагнул в освободившийся просвет; команда рванула следом.

Каменные выступы вылезали с обеих сторон. Я втягивал воздух коротко, чтобы не закашляться от пыли, и прислушивался к вою в клипсе. Камень давило уже где-то рядом. Если мы останемся между этими стенами, им будет всё равно, сколько у кого рангов. Подгонять задних криком бесполезно: впереди надо было освободить место, а не сбить с ног тех, кто ещё идёт.

Слева эхо вернулось слабее. Я задержал шаг, повернул ухо и снова прислушался: за камнем оставалось пустое место. На схеме «Восьмого» здесь был другой пол, сверяться с ним сейчас бесполезно. Зато коллекторы под ним я помнил. Если пустота ведёт к одному из них, нам хватит узкого лаза. Я подвёл остриё к стыку и проверил, где звук тоньше, пока задние ещё не упёрлись в меня.

— Рез! — крикнул я, указывая пикой на участок стены, где лишайник рос особенно густо.

К удару люди ещё тормозили у меня за спиной. Остриё поставил в тонкий стык, который только что выбрал по эху, и навалился левой. Камень дал трещину. Я отвёл лицо от крошки, дождался, когда она осыплется, и расширил просвет настолько, чтобы увидеть узкий лаз вниз. Первому придётся лезть руками, но это лучше, чем оставаться между смыкающимися стенами.

Первого пропустил у своего локтя, затем следующий потянулся к краю. В лаз уходили по одному. Я следил, чтобы разгрузки не сцепились, пока сверху грохотало всё ближе. Когда основной коридор сомкнулся, в горло набило пыли; уже внизу я пересчитал кашляющих. Девять. Под обвалом никто не остался.

За лазом оказалось жарко, как у открытой печи, только пахло кислым молоком. Пол шевелился. Сотни белых личинок размером с собаку лежали вплотную, и я придержал людей у входа, чтобы никто не наступил на ближнюю. Эти черви чувствовали вибрацию. Сами они не бросались на людей, зато проснувшаяся куча могла заткнуть выход лучше любой стены. После грохота за спиной уже приходилось торопиться.

Полную пику здесь не развернуть: наконечник упирался бы в личинок, заднее колено — в край лаза. Обратно мы пролезли бы по одному, только там коридор уже сомкнулся. Я поднял глаза над белыми спинами и нашёл щель впереди, чуть выше пола. До неё надо было раздвинуть эту кучу, не потеряв древко внутри.

— Тромбон, — я показал Пете на стену и вытянул древко перед щитами, отмечая узкий сектор.

На тренировках мы разбирали пику в такую короткую схему. Два передних колена оставляю для работы, третье ставлю сзади под упор. Я заранее прикинул расстояние до стены: на полной длине наконечник заклинит, а без заднего упора левой придётся тянуть всё одной. Теперь от знакомого разбора зависело, пройдут ли остальные через эту щель.

Снятое заднее колено прижал к стене правым наручем. В левую остались два передних, с остриём. Она ещё уставала после стройки, поэтому я заранее встал спиной к упору, чтобы давить корпусом. Фиксатор удерживал деталь, а руку всё равно приходилось беречь. Под нашим шагом ближайшие личинки зашевелились; разбор я закончил прежде, чем они навалились на ботинки.

Петя и Тагир держали щиты, образуя барьер позади меня. Я упёр заднее колено в выступ стены, зафиксировав корпус. Передней частью подцепил край мягкой кладки и потянул на себя. Петя со щитом шагнул в просвет; я переставил упор и коротко прочертил остриём дугу, считая личинок с пути к дальней щели. Круговой мах на полной длине здесь заклинило бы. Короткая часть работала ходами вперёд-назад, как у тромбониста. Уперевшись сзади, я мог давить и отпускать передние колена, не пытаясь размахнуться плечом. После каждого хода смотрел на щель: если уже входит щит, хватит вычищать, пора пропускать людей.

Белая масса завизжала у острия и потекла в стороны. Я давил корпусом, пока между личинками не показался пол. Они цеплялись друг за друга, наваливались обратно, но не кусали. Получившийся просвет пришлось удержать ещё одним движением — людям надо было переставлять ноги, а не прыгать через шевелящиеся спины. До щели теперь можно было дойти.

Первым в просвет пошёл щит, за ним люди. Через личинок пришлось перешагивать и перепрыгивать, пока щель не выпустила всех в широкий тоннель. Я тоже протиснулся туда, кашляя от гнилого запаха. Только у свободной стены вернул заднее колено в муфту, проверил защёлку левой. Пика снова стала полной, и теперь можно было встречать то, что ждало впереди, а не выгребать дорогу коротким остриём.

И тогда я увидел следы.

В пыли оставались рифлёные подошвы. Я проследил их к провалу: там они свернули на твёрдый край, обошли его и вернулись в середину тоннеля. Кто-то выбрал тот же безопасный камень раньше нас. Вода ещё не стёрла рисунок. Пришлось придержать своих, пока я смотрел, куда ушла эта дорожка — к ядру или к месту, где можно встретить следующего рейдера.

Зондеркоманда.

Присев, я потрогал край одного отпечатка. Пыль смялась под пальцем, а у соседнего следа ещё держалась чёткая грань. Прошли недавно. Насколько давно, я так не определяю, и терять минуты на попытку было незачем. Зато стало понятно: внутри горизонта они тоже передвигаются, а не стоят у нашего входа. Надо было выбрать путь, на котором не наткнёмся им прямо в спину.

Я сверил следы с нашим направлением. Догонять можно, только каждый поворот тогда придётся проверять под их возможным оружием. Если они торопятся к ядру, там первыми встретят Хранителя. Обход съест время, зато выведет нас не по той дороге, на которой Ренц мог ждать. Сравнить оба пути надо было по бумажной копии, пока следующее сжатие ещё не началось.

Я посмотрел на карту, которую достал из внутреннего кармана. Бумажная копия, сделанная со съёмки «Восьмого». На ней была отмечена зона долины ядра и несколько вентиляци-

онных колодцев. Один из них находился прямо над тоннелем, где мы сейчас стояли. Второй — в стороне, через зал «рёбер».

Следы уходили в колодец. Они выбирали вертикальный путь. Быстрый, но опасный. Колодец мог быть завален или перекрыт.

Зал «рёбер» обходил колодец дальше, чем хотелось. По той стороне стены держались устойчивее. Я примерил, сколько времени съедим на протискивании, и посмотрел на Тони: после текучего пола короткий путь через неизвестный колодец мог снова остановить его. Длинный обход хотя бы оставлял нам место, где ноги стоят на камне.

— Решаем, — я разложил карту на ровном камне и прижал угол тупым концом пики. Голос прозвучал хрипло.

Петя подошёл ближе, глядя на мои руки. — Они знают про маяки? — Он присел к карте и ткнул пальцем в колодец. — Не знаю, — я отвёл его палец от колодца к боковому залу. — Но они умные. Ренц не будет рисковать.

Я хорошо помнил Ренца по первой линии. Эффективный ублюдок: если его люди выбирали такой колодец, наверху обычно было то, что им нужно. Либо то, что понадобится, чтобы убрать идущих следом. Петя продолжал смотреть на колодец, хотя палец я уже отвёл к залу. Пришлось показать на обход ещё раз: за чужой гарантией успеха своей командой платить сейчас не стану.

К ядру мне надо было успеть раньше них. Но лезть ради этого в выбранный ими колодец — слишком дорогой способ сэкономить несколько минут. На бумаге оставался обход; я ещё раз провёл по нему пальцем и начал складывать карту так, чтобы нужный участок остался снаружи.

Я поднял голову, прислушиваясь. Где-то далеко, сквозь толщу камня, доносился ритмичный стук. Не сердца. Металл о металл. Кто-то работал инструментом.

— Обход, — я сложил карту по нужному сгибу, оставив наружу зал рёбер. — Через зал рёбер. Ставим первый контрольный маяк и идем.

Мы двинулись в противоположную сторону от колодца. Шесть контрольных маяков, купленных на стройке, Василиса передала мне ещё на виадуке: маленькие коробочки без обещания держать камень, только отмечать маршрут. Тагир нёс экранированный кофр для добычи. Я установил первый маяк у входа в обход — маленькую коробочку с красной лампочкой, которая замигала, фиксируя пройденную позицию на Катином планшете в хвосте колонны.

Я указал ей на телефон. Катя включила диктофон, я присел к микрофону рядом с маяком. — После выхода — котельная на окраине сектора. Стабилизаторы. — Я показал на нужный участок бумажной схемы, пока она сохраняла запись. — Копию в общую папку. Если я буду говорить хуже, чем сейчас, слушай телефон.

В зале выступы тёрли плечи с двух сторон. Приходилось разворачиваться боком и просовывать разгрузку первой, чтобы не зацепиться. Один из каменных краёв чуть сдвинулся рядом с Тони; тот втянул голову и задержался. Лёва положил ему ладонь на плечо, прошёл следом, не подталкивая. Я подождал за следующим «ребром», пока покажутся оба. Поторопить их здесь значило снова забить проход.

Наконец, мы вышли на высоту. Подъём по крутому склону привёл нас к краю плато, откуда открывался вид на долину ядра.

Я замер, увидев внизу свет.

Не природный, не магический. Электрический. Тактические фонари. Их лучи скользили по поверхности земли, освещая гигантскую пирамиду Хранителя, возвышающуюся в центре долины.

Фигуры в чёрной броне двигались вокруг основания пирамиды. Восемь человек. Зондеркоманда. Они уже были на позициях. Они устанавливали заряды.

Я проследил, куда они ставят заряды. Для прямого удара по Хранителю позиции были странные, а вот для вскрытия панциря — самые нужные. Они собирались разбудить его, заста-

вить раскрыться и добраться до ядра. От знакомого порядка у меня похолодели пальцы на древке: в первой линии я уже видел, что случается с теми, кто оказался рядом в момент такого пробуждения.

И они знали, что мы здесь. Или подозревали.

Тони, стоявший рядом со мной, вдруг схватился за голову. — Они там, — прошептал он, указывая вниз. — Почему они там?

Глава 70

У Ренца не было нужды бегать между позициями. Он стоял сбоку и следил, как люди заканчивают работу; после его короткого движения очередной боец переходил к следующей точке. Я узнал этот порядок раньше лица. Хотелось снова пересчитать всех восьмерых, хотя я уже пересчитал: перед нами была именно та команда, от которой нельзя ждать любезностей к чужим рейдерам.

Если он рассчитывал встретить нас на обычном следе, мы уже ушли с него. Я ещё раз проверил видимые выходы из долины. Там его люди стояли крепко. Оставалось пользоваться стеной, до которой их фонари пока не доставали.

Мы находились выше его позиций. Я пригнулся у края и посмотрел на боковой спуск: тяжёлый, неудобный, зато начинался под нашими ногами. Известных Ренцу троп нам сейчас хватило бы только на то, чтобы вовремя выйти под его оружие. Здесь можно было спуститься иначе.

Отвёл взгляд от долины к своим. Тони искал, за кого встать, Петя уже смотрел на боковой спуск; Лёва ждал моего указания. Все восемь дошли сюда. Даже после сжавшегося коридора ещё могли идти, и сейчас мне надо было придумать, как оставить их живыми рядом с Ренцем, а не только довести до его позиций.

— Они заняли позицию, — я присел между Петей и Лёвой, разворачивая остриё к дальнему карману. — Они думают, что блокируют единственный вход.

Петя кивнул, понимая мою мысль. — Тогда мы зайдём не оттуда, — он переставил ботинок на край верхней тропы, заслонённой камнем от долины.

Проверил на телефоне остаток окна и заслонил экран ладонью. Наши сорок минут почти вышли. За спиной скоро вернутся патрули, внизу Ренц заканчивает с зарядами; на прежнюю тропу людей уже не поведёшь. Показал Пете боковую стенку, до которой пока не доставали фонари.

— Там тесно, — он прикинул ширину уступа носком.

— По одному.

Петя отступил, пропустил меня к спуску. Между патрулями и командой Ренца оставался этот камень. Успеет добраться до кармана — будет откуда выбирать следующий ход.

Я сжал пику в руке, чувствуя, как ладонь привычно легла на древко.

— Готовьтесь, — я отвёл людей от самого края и подал Лёве знак проверить трос. — Сейчас мы узнаем, чего стоит обучение.

Я подполз к кромке и поднял бинокль. Острый гребень вдавился в колени; пришлось сдвинуть одну ногу, чтобы не выдать себя шорохом по камню. Внизу горели восемь фонарей. Лучи обходили пирамиду ровно, без суеты, и я невольно следил за каждым, проверяя, когда он уйдёт с нашего участка стены. Промежутки между ними были слишком короткие для обычного спуска. Теперь понятнее стало, почему Ренц так спокойно оставался у основания.

— Смотри на ноги, Дим, — прошептал мне в ухо Лёва. Он сидел рядом, обхватив колени руками, и его лицо, обычно каменное, сейчас было бледным от напряжения. — Они не наступают. Они скользят.

По Лёвиному слову я перевёл бинокль ниже, к ногам. Слышал приглушённый щелчок затвора, затем шипение у зарядов: клипса за ухом доносила звук даже отсюда. Люди действительно скользили между позициями, не задерживая друг друга. Теперь поймал и голос Ренца. Руки на бинокле сжал крепче — его следующую команду хотелось услышать без пропуска.

— Третий заряд на позицию «Б». Не торопись, Волков. Если ты спалишь матрицу раньше времени, я тебя лично в неё засуну. — Ренц вытянул руку к оператору и удержал его у плиты, пока индикатор не сменил цвет.

Гай Ренц, командер зондеркоманды «Авроры». Двенадцать лет первой линии этот голос то и дело вставал поперёк моих планов. Узнавал я его и сквозь плохую связь, так что и сейчас долго сомневаться не пришлось. Его команда снова делала то, чего я боялся. Я опустил бинокль к камню и выдержал несколько вдохов, чтобы вернуться к позициям, а не к лицам, которые помнил рядом с ними.

Они не атаковали Хранителя. Они будили его.

На плитах пирамиды лежали компактные генераторы маны. Жёлтые капсулы с индикаторами заряда. Ренц использовал их, чтобы создать резонансную частоту. Хранитель, древний страж сети, реагировал на угрозу ядру. Если его разбудить правильно, он сам вскроет свою броню, чтобы выбросить наружу накопленную энергию. И этот выброс — ядро — станет доступен для захвата. А после того, как ядро будет извлечено...

— Свидетелей не оставлять, — я отвёл Тони за камень и повторил одними губами слова из приказа, который читал в старой базе Реестра в первой линии. Ренц собирался убрать чужих свидетелей. В первой линии он уже оставлял людей в секторе, пока выводил своих. И меня тоже убрал бы, если бы я оказался там первым. Но он не знал, что я уже здесь.

— Катя на связи? — Я повернул ладонь к Тони и показал на планшет у неё под локтем.

Тони кивнул, но всё ещё смотрел широко раскрытыми глазами вниз. Я задержал ладонь у его плеча, пока он не повернулся ко мне. После нижнего коридора ему и так хватало на что смотреть. Сейчас нужен был ровный вдох, иначе на стене он не удержится. До команды на спуск я собирался получить от него ответ, а не просто кивок.

— Тишина, Тони. Дыши животом, как учили. — Я опустил ладонь перед его грудью, задавая медленный темп.

Слева от пирамиды занял место снайпер. Правый выход прикрывала группа быстрого реагирования, в центре Ренц остался с операторами. Восемь тел В-класса. Я по очереди искал между ними окно для своих и каждый раз видел следующего бойца, перекрывающего его. Через обычные выходы нам не дадут даже разбежаться. Оставалось добраться до ядра с той стороны, куда их дуга пока не смотрит.

Но они смотрели вниз. На пирамиду.

— Обходим, — сказал я жестами, которые мы отрабатывали на стройке. Рука вверх, кулак, два пальца вправо. «В обход, по склону».

На обычную тропу я не ступил. Повёл своих по боковой стенке долины, где уступы менялись под ногами, а между ними оставались тёмные провалы. Камень здесь пульсировал. Приходилось ждать, пока очередной край перестанет двигаться, и только потом переносить вес. Штатных меток патрулей на этой стороне не было — именно из-за такой геологии. Теперь её неудобство хоть раз работало на нас.

На первых десяти метрах удалось пройти ровно. Потом пика за спиной задела камень, и я застыл. Внизу луч пошёл к ближайшей плите. Я дождался, когда он уйдёт с неё, посмотрел на Ренца: головы не поднял. Можно было двигаться дальше. Своим показал теснее прижать оружие, чтобы не повторили мой звон.

На двадцатом метре Лёва потерял опору.

Под Лёвиной ногой известняк поплыл маслянистой жижей. Я увидел, как он подался назад, и бросил левую к разгрузке. Поймал, когда опоры под ним уже не было. Его крик оборвался на вдохе, ремень натянулся у меня в кулаке; теперь надо было удержать его и самому не съехать с уступа.

Левую кисть вывернуло вместе с ремнём, и я прижал пальцы сильнее. Правый наруч держал страховку, но тянуть Лёву пришлось левой и всем корпусом. Плечо уже горело; я поискал ботинком край, от которого можно оттолкнуться, не съехав следом. Лёвины ноги скребли воздух. Под ним оставалось пять метров до острых камней. Для этого рывка мне бы С-тело, но ждать другого тела он не мог.

— Тяни! — Он зацепил локоть за край, вытягивая второй ремень разгрузки ко мне. Сквозь зубы, не от страха, а от усилия.

Я упёрся, выдохнул и потянул ремень к груди. Поднять сразу не получалось; приходилось забирать по несколько сантиметров, удерживать, снова тянуть. Поясницу ломило. Когда над краем появилась Лёвина голова, он уже смотрел по сторонам, выбирая, за что схватиться. Это помогло больше любых уговоров: ещё немного, и я смогу перестать держать его целиком.

Лёва перевалился через край и лёг на спину, тяжело дыша. Он посмотрел на меня.

— Почти С, — он сжал мой левый локоть и показал на край, через который только что перевалился. — Твои руки почти С.

Я не ответил. Левое плечо ещё горело, ремень разгрузки вдавился в обожжённую ладонь; за эти сантиметры мне пришлось заплатить всем телом, не одной красивой цифрой. Зато Лёва лежал рядом, а не внизу на камнях. Я посмотрел в долину. Ни один луч фонаря не сместился в нашу сторону. Ренц был слишком занят своим парадом.

— Дальше идём тише, — сказал я жестом. «Уши открыты, рот закрыт».

За следующим выступом я остановился и дал задним подтянуться. Так делал каждые сто метров: сначала прислушаться, затем смотреть, куда ставить ногу. Просвет, который минуту назад виделся прямым, теперь уходил вбок. Я не пытался вернуть ему прежнюю форму в голове, а выбирал следующий уступ по тому, что видел сейчас. До команды Ренца было слишком близко, чтобы проверять путь падением камня.

И тут мы наткнулись на барьер.

На сером «ребре» дрогнул волокнистый край. Вблизи он оказался влажным, и я отвёл от него остриё: ткань, не камень. Мембрана тянулась между скалами толстыми, с канат, волокнами. Сверху я принял её за выступ породы. Теперь смотрел, где кончается перемычка и можно ли обойти её, не тронув ничего. Просвета для нашей колонны не находилось.

Внутри волокон я различил свернувшиеся клубки. Симбионты нижнего уровня ещё спали. Я удержал ладонь перед ближайшим человеком, чтобы он не протиснулся вперёд посмотреть получше. Стоило раскатать мембрану, и спящие клубки развернутся нам навстречу. Приходилось стоять неподвижно, пока я искал способ разомкнуть хотя бы один узел.

— Стоп, — я поднял кулак. Группа замерла.

Прорваться силой здесь означало разбудить симбионтов. Мы, может, и пробились бы через первый клубок, но на шум поднимут головы у пирамиды. Тогда драться придётся на этой стенке, спиной к В-команде. Я отвёл пику ближе к себе и стал искать в кармане ампулу: для узла оставался другой способ, проверенный ещё в первой линии.

Я достал из кармана последний старый стимулятор, который взял в этот рейд. Маленькую ампулу с прозрачной жидкостью. Ещё перед выходом Катя переложила её из медицинской сумки ко мне: из тех запасов, что я держал после первого выезда за препаратом. Свежая ампула, полученная перед стройкой, осталась дома; в этот рейд Катя взяла старый резерв. Я помнил её цену. Помнил, сколько раз она спасала мне жизнь в первой линии. Теперь она нужна была для другого.

— Тони, дай мне нож. — Я выставил левую ладонь над камнем, чтобы он вложил рукоять, а не полез сам к волокнам.

Тони вложил рукоять мне в левую ладонь. Я подставил клинок под ампулу, вскрыл её и смочил только кончик: разлить дозу по всей мембране всё равно не хватит. Остриё подвёл к ближайшему узлу между волокнами, удерживая руку от дрожи. Ткнуть в самую ткань было легче, но сейчас нужна жидкость на переплетении, а не дырка от ножа.

В первой линии этим концентратом смачивали такие узлы, чтобы отпустило натяжение. На несколько секунд, не дольше. Я смотрел, как дёрнулось ближнее волокно, и добавил остаток из ампулы туда же. Усыплять всю мембрану мы не собирались; хватит, чтобы один узел

разошёлся и люди прошли. Пустое стекло убрал в карман. Волокна обмякли, повисли варёной лапшой, и я сразу показал первый шаг в открывшийся просвет.

— Быстро, — скомандовал я жестами. «Все за мной. Шаг за шагом».

Протискиваясь, я берег разгрузку от висящих волокон. От узла пахло озоном и гнилью; хотелось отвернуть лицо, но я продолжал следить, как идёт следующий. Пустая ампула стукнула о телефон в кармане. Придержал её через ткань и повернулся к следующему: это весь старый резерв, второй такой узел открывать уже нечем. Показал ему пройти ближе к моему плечу. Волокно ещё висело мягко, но я держал в поле зрения его конец — натянется снова, и застрявшего здесь придётся вырывать из живой ткани.

— Не цепляй ремнём, — шепнул Петя задним. — По Диминой ноге смотрите.

С другой стороны я сперва повернулся к проходу: успеет ли последний пролезть, пока узел снова не натянулся? Когда все оказались рядом, посмотрел в долину. Пирамида занимала середину целиком, чёрная громада заслоняла дальние фонари. Люди Ренца уже отошли от зарядов. Мы выбрались вовремя, только на передышку у них тоже оставалось мало: теперь никто не возился у капсул, ждали запуска.

И тут я понял ошибку Ренца. Или его стратегию.

Он оставил заслон. Один коридор, ведущий из долины наверх, был перекрыт двумя стрелками. Они стояли спиной к нам, глядя на пирамиду. Но их винтовки были направлены не только на пирамиду. Сектор обстрела включал и наш путь отхода.

Винтовки перекрывали тот самый подъём, по которому хотелось уйти после захвата ядра. Знал ли Ренц о нас, я отсюда не понял. Так же он мог прикрыть себе тыл от любого рейдера. Но проверить это своим выходом из-за камня я не собирался: достаточно было посмотреть, как один стрелок довёл ствол до края нашего маршрута и вернул обратно.

— Значит, выхода нет, — Петя задержался у последнего выступа, пропуская Тони в карман. Голос был шёпотом. Его голос был спокоен, как всегда. — Только вход.

Я посмотрел на Тони. Парень побледнел ещё сильнее.

— Мы идём туда, — я отвёл пику от стрелков и указал на место между «рёбрами» и стеной скалы. Там был карман. Узкая щель, скрытая от общего обзора.

В кармане я прижал разгрузку к стене и пропустил остальных глубже. Здесь нас не было видно из долины, а сверху оставались трещины, через которые можно следить за пирамидой. Операторы Ренца отходили от неё. Я отметил, где остановился каждый: когда начнётся, их новые места будут важнее прежних. Своих хотелось усадить и дать им отдышаться, но ещё пришлось показывать, какие края щели оставить свободными для щитов.

— Запуск через три минуты, — услышал я голос Ренца по усилителю слуха. Он говорил в микрофон у подбородка, проверяя ладонью запор на жёлтой капсуле. — Матрица готова. Пробуждение идёт.

Пирамида дрогнула.

Плиты подались едва заметно; я скорее почувствовал это коленями через наш выступ. Свет в щелях пожелтел, затем пошёл в оранжевый. При таком прогреве Хранитель должен был раскрываться постепенно. Я смотрел на вершину, ожидая следующего толчка, и держал ладонь поднятой, чтобы никто из моих не начал спуск раньше времени.

Но что-то пошло не так.

Заряды ставили под медленное прогревание, а оранжевый свет уже заливал щели. Я прикинул интервалы между толчками — они укорачивались. В нестабильном горизонте смещалась сама геометрия матрицы; энергия собиралась быстрее, чем рассчитывали операторы. Ренц ещё держал руку у капсулы. Я отвёл своих от края на полшага, насколько позволял карман: следующий толчок мог пойти сильнее.

Раздался звук. Не взрыв, а хруст. Как будто кто-то раздавил сухую ветку.

Трещина открылась на вершине. Я следил за ней вниз, пока белый свет не резанул по глазам. Пришлось смотреть сбоку, прикрывшись краем камня: линия разрыва ползла ниже, а плиты по сторонам уже расходились. До плавного раскрытия это не дотянет. Теперь я ждал, куда рухнет ближайший кусок оболочки.

— Перегрев! — Ренц выдернул оператора за ремень от светящейся плиты. — Отходить! Все отходить!

Но было поздно.

Пирамида начала разрушаться. Не от удара, а изнутри. Хранитель вырывался. Его тело, заключённое в камень, ломало оболочку.

Сверху было видно, как у Ренца ломается строй. Операторы отступали от капсул, бойцы поворачивались к ним, вместо того чтобы держать свои сектора. Сквозь просветы различал лица — в такой близости от пирамиды никому уже не хотелось ждать второго приказа. Я придержал людей у себя. Сорваться следом за ними легко; вот только нам ещё надо выбрать, к какому краю спускаться.

И я видел, как из трещины, прямо на уровне наших глаз, высунулось что-то.

Осколок камня отлетел в сторону, и я увидел его. Глаз. Огромный, фасетчатый, золотой. Он смотрел прямо на нас.

Хранитель увидел меня.

Не Ренца. Не его команду. Меня.

Левая сама нашла древко пики. Я сжал его, хотя до глаза было не достать никаким ударом. Убрать руку обратно не получалось: от взгляда между лопаток тянуло так, будто я вышел прямо перед ним с остриём наперевес. За его ядром я и пришёл. Хотелось отступить за камень, но сперва надо было отвести туда Тони, которого он тоже видел.

— Он знает, — Лёва развернул щит между трещиной и Тони, отесняя парня глубже. Впервые за весь рейд его голос дрожал. — Он знает, где мы.

Я смотрел в золотые фасеты, пока от падающего камня не закрылся край трещины. Триста метров между нами вдруг перестали казаться расстоянием, на котором можно просто наблюдать. Лёва уже отеснил Тони щитом, и я наконец подался за ними. Теперь выходить из кармана пришлось бы под взглядом самого Хранителя, а не только под фонарями Ренца.

Ренц начал отдавать приказы. Его голос прорезал шум обрушения.

— Группа А, накрытие! Группа Б, готовность к штурму! Не дать ему выйти полностью! — Ренц прижал двух стрелков к боковой плите и ткнул мечом в раскрывающуюся щель.

Он попытался перехватить инициативу. Но Хранитель уже не слушал его. Он слушал мой пульс.

Я отступил вглубь кармана.

— Подготовка, — сказал я жестами. «Щиты вверх. Тросы наготове. Ждём сигнала».

Щиты сомкнулись перед выходом, тросы пошли по рукам. Я показал место крайнему и дождался, когда он переставит ботинок, освободив проход. После стройки никому не пришлось объяснять весь круг заново. Это успокаивало сильнее, чем хотелось признавать: от пирамиды уже летел камень, а мои восемь ещё смотрели на ладонь и занимали свои места.

За падающими плитами мелькнуло свечение. Я подвёл взгляд к просвету ещё раз: ядро. Оболочка больше не закрывала его целиком. Ради такого мгновения мы и лезли сюда. Рядом Ренц пытался вернуть людей к позициям; я прикидывал расстояние до спуска, уже понимая, что смотреть долго на этот свет не дадут ни он, ни Хранитель.

Ренц успевал разворачивать экраны между обвалами. Я видел, как за одним из них оператор снова тянется к настройке, но новый удар сбивал его руку. Экраны держались, матрица — нет. Надеяться, что они сейчас умирят Хранителя и подарят нам спокойно лежащее ядро, было бы слишком хорошо. Ждать придётся следующего раскрытия и идти самим.

— Он пробуждается, — я положил ладонь на замок муфты, проверяя, не сорвало ли защёлку. — И он зол.

Я положил руку на секцию пики. Холодный металл грелся от моего тела.

Глаз в трещине моргнул. И исчез, уходя обратно во тьму разрушающейся структуры.

Без глаза в трещине смотреть на пирамиду стало легче, но прижаться к краю я всё равно не решился. Он уже нашёл наш карман. Откуда посмотрит в следующий раз, я не знал, поэтому держал своих за щитами, пока проверял спуск.

— Дима, — Катя придвинулась ко мне с планшетом, указав на вернувшийся значок патруля. Её голос был тихим, почти неслышным за гулом обвала. — Патрули Реестра возвращаются. Раньше срока. Ты должен быть осторожен.

— Я знаю, — я отодвинул планшет от самого края, оставляя ей место за щитом. — Но сейчас у меня другие проблемы.

После Катиного предупреждения я прошёл взглядом по полукругу. Тони вцепился в щит, зато не отводил его от выхода. Лёва проверял трос, Петя встретил меня своей спокойной улыбкой. Ему бы сейчас каску на голову и спорить с аудитором у ворот. Но он стоял здесь с нами и тоже ждал команды на спуск.

Мы были готовы к рывку, когда матрица раскроет грудь. Живыми выйдем — и ядро понесём мы.

Пирамида содрогнулась ещё раз. Плиты разошлись шире, и я подался вперёд, выбирая мгновение между обвалами. Если грудь раскроется сейчас, второго такого просвета нам могут не оставить. За спиной щиты уже ждали моего движения; говорить о шансе вслух я не стал, чтобы люди не рванули раньше руки.

Я сделал шаг вперёд, к краю кармана. Вниз, к трещине.

— Начинаем, — я опустил пику к ступени у края кармана, задавая людям направление спуска.

И первый луч света, вырвавшийся из пирамиды, ударил мне в лицо.

Глава 71

Меня швырнуло обратно в карман. От удара воздух вылетел вместе с криком, рёбра сжало гармошкой; даже зажать рот не успел. Спина пробил бетонный выступ и на секунду перестал различать людей. Вместо них перед глазами плясали белые пятна, в ушах звенело. Попробовал вдохнуть — получилось только со второй попытки. Тогда потянулся левым локтем к обломку: надо было поднять голову и увидеть, куда разбросало остальных.

— Живые? — Я оттолкнулся левым локтем от обломка, поднимая голову над щитами. Голос вышел хриплым, чужим. Я выплюнул кровь и крошки штукатурки.

В нише лежали вперемишку щиты, ноги, разгрузки. Трое ещё пытались сесть после первых толчков, которыми Хранитель расшатывал пирамиду. Двое зажимали уши и смотрели мимо меня. Я стал ловить хотя бы движение каждого: кто упёрся локтем, кто подтянул колено. Лёва уже тащил одного за разгрузку дальше от входа в долину. Он выбрался быстрее меня; я показал ему тем же движением продолжать, пока сам смотрел на оставшихся. За его спиной свет от залпов наливался багровым.

Сверху заработала зондеркоманда. Грохот перебивал звон, который оставался после удара, и я на мгновение перестал слышать, как кашляют рядом. Под таким шумом можно было вывести своих: шагов, дыхания и стука оружия Ренц сейчас не различит. Я поискал Акима среди поднявшихся. Пока над долиной били, нельзя было оставаться здесь, ожидая, что звон пройдёт сам.

Я схватил Акима за плечо, тряхнул. Он моргнул, фокусируясь.

— Подъём! — рывкнул я, но сам услышал шорох в горле. — По памяти! Эвакуационный ход, сектор семь-альфа. Быстро! Не оглядывайтесь на их драку. Наша задача — выйти первыми.

Первый поворот прошёл сам собой: ноги вынесли меня к нужной стороне тоннеля, ещё до того, как я успел обернуться. Здесь в первой линии мы выводили раненых после неудачного рейда. Ступени я помнил по тому, как тогда цеплялся за них, поднимая чужой вес. Теперь за мной тоже шли люди, которым надо было помочь. Я выбрал знакомый проход, чтобы уйти от долины, пока грохот скрывал наши шаги; Ренцу он не должен был дать такой форы.

Лёва шёл рядом, то задерживался на полшага, то снова догонял меня. Я слышал, как он подхватывает отстающего, но в нашем шуме не всегда различал кого. Оборачиваться за каждым уже не приходилось: когда я показывал поворот, он передавал его назад. Только убедившись, что последний идёт, можно было прибавить шаг.

Через сто метров мы свернули в боковой отсек, где раньше располагался склад оборудования. Дверь была открыта — так, как я помнил. Внутри темно, сухо, безопасно.

— Стой! — Я опустил на корточки у двери и перегородил её деревком. — Перевязка. Вода. Три минуты.

Тони и Стёпа сидели, привалившись к стене. Обоим едва двадцать, а сейчас не получалось даже удержать голову ровно. Видимых ран я не нашёл. Катя проверяла уши и зрачки, держала фонарик ниже лица; от удара их всё ещё трясло. Стёпа попытался приподняться и снова уронил голову. Я присел перед ним, чтобы он не тратил силы, пытаясь разглядеть меня из-под своего лба.

Катя развернула аптечку у своих коленей. Пока доставала бинты, я придерживал край разгрузки Стёпы, чтобы он не сползал набок. Она работала без дрожи; мне хотелось спросить, сколько это займёт, но вопрос только отнимет у неё руки и внимание. Пришлось смотреть на повязку и ждать, когда она сама поднимет голову.

Тони — младший номер нашей группы, тот самый, кого называли «трясучкой» за привычку паниковать в первые минуты любого рейда — сидел прислонившись спиной к стене и

раскачивался. Его губы шевелились, он шептал молитву или считал секунды, непонятно что. Руки его блуждали по поясу, проверяя наличие оружия, которого там не было — оно осталось на позициях выше.

— Тихо, — Лёва выставил ладонь перед Тони, удерживая взгляд парня на себе.

После Лёвиного голоса Тони замер. Я тоже перестал тянуться к нему: пусть сначала дослушает. Лёва смотрел на вход, арматуру держал наготове, и от этого спокойного «тихо» мне самому захотелось выдохнуть до конца. Моя пика оставалась перед дверью. Пока Катя заканчивала, мы могли хотя бы перестать толкаться вокруг двух сидящих ребят.

— Дыши носом, Тони, — он ткнул пальцем в собственный нос и медленно опустил ладонь, показывая выдох. — Раз-два. Раз-два. Стены дышат, если ты дышишь ровно. Паника сбивает ритм. Ты слышишь бой? Нет. Значит, они далеко. Значит, мы в безопасности.

Тони глотнул воздух. И правда начал дышать ровнее. Катя закончила с повязками, вытерла руки о штаны и посмотрела на меня.

— Как они? — Я придержал для Кати горловину фляги, пока она освобождала руки от бинта.

— Живы. Но в строю не будут час. Может, два. — Она провела пальцем перед Стёпиными глазами и придвинула к нему флягу. — Идти с поддержкой смогут. В бой их не толкай.

Я кивнул. Три минуты отдыха, не час стоянки. Поднимем их с поддержкой. Сколько осталось до следующего сжатия, проверим на повороте.

— Встаём, — я отвлёк древно от двери и протянул левую руку Стёпе. — Коридор ведёт прямо к внешним воротам сектора. Мы выходим через десять минут. Держим строй. Тони и Стёпа — в центр колонны. Лёва замыкает.

Теперь я шёл медленнее и после каждой ступени ждал, когда поднимутся задние. Слева появился знакомый поворот, ниже — лестница, справа протекала труба. Всё совпадало. С каждым таким местом хотелось увереннее сказать, что осталось совсем немного. Я уже назвал десять минут и теперь вёл их к выходу, который помнил, стараясь не добавлять к этому обещанию ещё одно.

У протекающей трубы я уже оставил край прохода для Тони со Стёпой: через следующий поворот они должны были выйти без толкотни. После всех совпавших мест мне казалось, что осталось довести их до двери и помочь переступить порог.

За поворотом должен был открыться технический ангар. Я помнил пыль на высоких балках и зелёный огонёк у аварийной двери в промзону. Под неё можно было вывести колонну, помочь раненым и наконец отойти от живых стен. Я свернул первым, оставляя за собой просвет шире, чтобы сзади не тормозили друг друга у самого выхода.

Вместо этого я упёрся в стену.

Живую. Пульсирующую.

Серая ткань закрывала пять метров от стены до стены. Слизистые наросты на ней сжимались, потом снова разбухали. Я провёл взглядом от пола до потолка, ища край, под который пролезет хотя бы один человек. Просвета не было. Вместо ангара впереди оставалась влажная поверхность, а за спиной уже упирались в нашу остановку те, кому я обещал десять минут до ворот.

Я замер. Сердце пропустило удар.

— Командир? — Аким положил ладонь на трубу над моей головой и наклонился, заглядывая за живую стену.

Я поднял руку. Стой.

Я ещё раз посмотрел налево, на лестницу за нашими спинами. Свернуть было негде; трубы шли именно так, как я помнил. Значит, к этому месту мы пришли правильно. А дальше вместо просвета торчала влажная ткань. Я подвёл к ней остриё, не касаясь: хотелось найти хоть сбоку кусок прежнего ангара, но стену закрывало целиком.

В той памяти пахло гарью, люди кричали, и раненых мы тащили дальше, к выходу. Я удержал перед глазами именно этот поворот, не всю драку за ним. Живой стены здесь не было. Сколько ни пытался совместить её с прежним проходом, в голове оставалось открытое место — то, в которое я сейчас привёл восемь человек.

Эта точка памяти не совпала.

На стройке я уже видел сдвиги. Здесь исчез не цвет глаз Петра и не номер автобуса — целый выход закрыло живой тканью. Линия съехала на ещё один объект. Мои знания довели нас по сотне метров без ошибки; эту сотню я не отменял. Но здесь старую дверь придётся вычеркнуть. И найти другую.

Сзади прогрохотало, заметно ближе, чем прежде. Я упёр древко в бетон и дождался, пока перестанут дрожать стены. Хранитель ещё добивал зондеркоманду, а давление добиралось уже сюда. Эта ткань могла вырасти от расширения разлома. Проверять, проходима ли она силой, после истраченной ампулы мне не хотелось: пока что надо было разобраться с выходом, а не будить ещё одну преграду.

Я сел на бетон и уложил пику на колени. Здесь пол пока не размяк, можно было опереться и спокойно посмотреть наверх. Стянул перчатки: под ними пальцы дрожали после спуска и ударной волны, а мне надо было снова показать людям понятный знак. Сжав левую вокруг древка, дождался, пока смогу удерживать остриё на одном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.